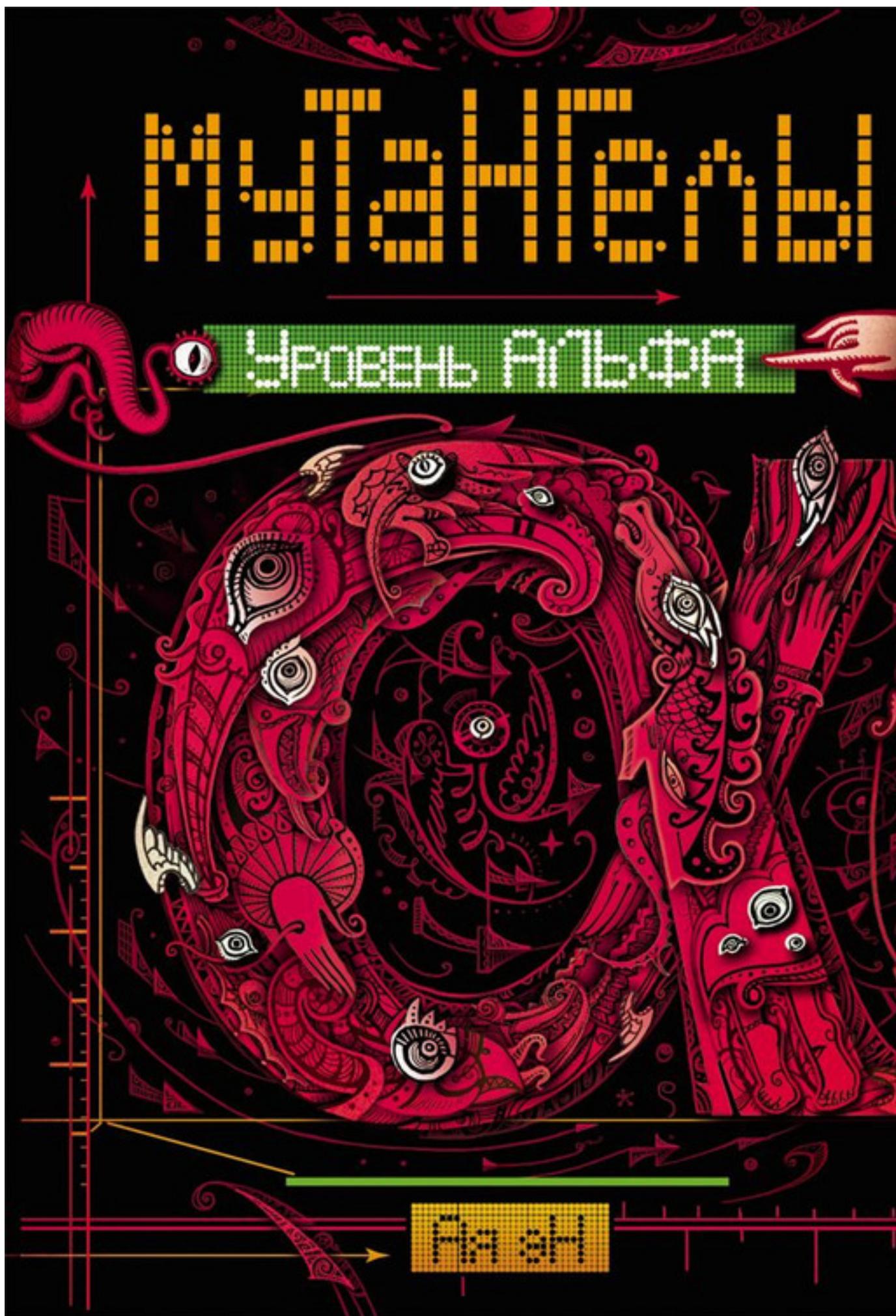

МЯТАЛЕНЬ

УРОВЕНЬ АИБФН

МН АН

Ая эН
Уровень Альфа
Серия «Мутангелы», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18305826
Уровень Альфа: роман / Ая эН.: Росмэн; Москва; 2016
ISBN 978-5-353-07601-8

Аннотация

Третья книга фантастической саги «Мутангелы» погружает читателей в невообразимый мир ангелов. Именно туда попадает главный герой Дюшка после гибели его родной Земли-11. Дюшка отчаянно пытается спасти своего друга Ризенгри, считая, что всех остальных уже нет в живых. Дюшка, Ризи, да и сами ангелы даже не подозревают о том, что некоторые мутанты спаслись, угодив в другие миры, а Варя Воронина и ее новые друзья-мутангелы прилагают все усилия, чтобы проложить сокращалку из прекрасного Мебиклейна к застывшему навсегда миру мутантов...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	28
Глава 5	36
Глава 6	46
Глава 7	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Ая Энэ Мутангелы. Уровень Альфа

В серии «Мутангелы» вышли книги:

1. Уровень Пи
2. Уровень Дельта
3. Уровень Альфа

Есть, е-е-есть предел совершенству!

Внимание!

Инструкции, данные между строк в этой книге, не представляют *ни малейшей опасности* для любого, кто является человеком, только человеком, и никем, кроме человека.

Всех остальных мутангелов, а особенно инфилоперов (даже если они не помнят, кто они такие, и считают себя обыкновенными людьми), Мебби Клейн просит при прочтении соблюдать все необходимые меры предосторожности. Помните, что человек отвечает только за свою жизнь, а мутангелы в ответе за все происходящее.

Везде далее: **Диди** = дополнительная информация для инфилоперов.

Глава 1 В гости к ангелам

Это случилось за час до конца света на Земле мутантов: в дверь постучали.

Стояла глубокая зимняя ночь. Маленький элитный дачный поселок был почти полностью погружен во тьму. Только на втором этаже особняка магнатов Кэшлоу горело зеленоватым мягким светом единственное окошко небольшой спальни. В этом зеленом свете сидели Дюшка Ключкин, самый последний человек на Земле-11, и его лучший друг супермутант Ризенгри Шортэндлонг. Мальчишкам ни капельки не хотелось спать. Им так много нужно было рассказать друг другу, что просто ужас! Еще бы. Ведь с того момента, когда Риз стал заменять Дюшку в школе и дома, обманывая всех вокруг, произошло очень много событий.

– Дюшка, ты – настоящий герой! – говорил Ризи. – Реально, без балды! Оказывается, быть обыкновенным человеком – это такой мрак. Тут чешется, там болит, с одного боку жарко, с другого ноет... Входить приходится только в двери, есть – только натуральную пищу. Я еле выдержал, честное слово! Неужели ты всю жизнь так живешь?

Дюшка всю жизнь так жил. Никакой другой жизни у него никогда не было, поэтому оценить весь ужас своего состояния он не мог: сравнивать было не с чем. В ответ на слова Риза Ключкин только вскинул брови и едва заметно повел плечами:

– Теперь ты понимаешь, почему я хотел добраться до биореактора и стать мутантом, как все?

О да, теперь Ризенгри понимал. И считал, что ничего еще не потеряно. На этот раз они отправятся к реактору вдвоем.

– Нам сразу надо было вдвоем бежать, – сказал Ризи. – А мы вели себя, как дети неразумные. Сбежали бы – и всех делов. Угнали бы самолет. Или еще как... Ладно, чего теперь обсуждать старое. Давай подумаем, что делать дальше.

Ребята стали строить планы на будущее. Теперь все должно было пойти как по маслу. И вот как раз тут по маслу не пошло. И вот как раз тут в дверь постучали.

– Это, наверное, Ирочка, мама Рино Слунса, – прошептал Дюшка. – Пришла нас в постели загонять. Все взрослые просто повернуты на режиме!

– Входите, не заперто! – крикнул Риз.

Дверь открылась, но в комнату вошла вовсе не Ирочка.

– Здравствуйте, – нахмурился Риз.

– Вы кто? – изумился Дюшка.

Вошедший был довольно высоким, отлично сложенным юношей с пронзительными светлыми глазами и темной кожей цвета спелых маслин. На нем были самые обыкновенные мягкие брюки и яркий модный пуловер. Он вошел в комнату, словно к себе домой, улыбнулся Дюшке и кивнул Ризу как старому знакомому.

– Бес, ты его знаешь? – спросил Дюшка.

Дюшка Клюшкин называл Риза Бесом еще с тех времен, когда Ризенгри Шортэндлонг скрывался от всех, прикидываясь не супермутантом, а обычным мутантом второго порядка, Венькой Бесовым. Бесов – значит Бес; кличка приклеилась мгновенно и даже теперь отлепиться от Риза не желала.

Вошедший окинул взглядом комнату, снял со стены одну из маленьких картин, висевших на стенке справа от двери, и стал ее рассматривать, вертя в руках.

– Бес, кто это?

– Это один из сотрудников секретного института, – объяснил Ризенгри. – Я его в школе для особо одаренных видел.

«Нас вычислили, и теперь сбежать будет гораздо труднее!» – хотел еще добавить Ризи, но смолчал.

– Меня зовут Дима Чахлык, и я не совсем сотрудник института, – наконец счел нужным представиться темнокожий юноша. – Я наблюдатель.

Дима водворил картину на место и добавил:

– Я наблюдатель со стороны ангелов.

Дюшка и Риз молча переглянулись.

– То есть вы – ангел? – не веря своим собственным ушам, уточнил Дюшка.

Дима смиренно склонил голову вместо ответа. Дюшка взглянул на Риза. Но на лице его друга не было ни единой эмоции, и нельзя было понять, что он думает по поводу внезапного вторжения ангела. Дюшка перевел взгляд обратно на незваного гостя.

– У ангелов крылья должны быть, – неуверенно произнес Дюшка.

Дима молча выпростал из-под пуловера два мощных белых крыла. Было неясно, то ли они проросли сквозь одежду, то ли... Второй версии у Дюшки не возникло.

– А почему вы черный? – спросил Дюшка. – Ангелы вроде как белые...

Дима пожал плечами – крылья при этом тоже сделали небольшой взмах – и мигом осветлил кожу, став таким же, как все обычные северные мутанты первого и второго порядков. Кроме того, теперь вокруг Димы Чахлыка было отчетливо видно сияние, особенно над головой. Дюшка опять скосил глаза в сторону Ризи, ища поддержки. И опять ее не нашел: Ризенгри сидел, почти не шевелясь. На Диму он не смотрел, думал о чем-то своем.

– Подумаешь! – храбро сказал Дюшка. – Мой друг тоже умеет менять внешность. Так что это еще не доказательство того, что вы – ангел.

А про сияние он ничего не сказал, словно никакого света над Димой не было. Дюшка сам не знал, отчего в нем проснулся дух противоречия. Он не мог разобраться в себе и не хотел разбираться. А просто хотел, чтобы этот парень с крыльями сейчас бы улыбнулся и сказал: «Ну да, ребята, никакой я не ангел. Я – просто супермутант, такой же, как Ризи Шортэндлонг. А вовсе не ангел. Ангелов не бывает». В этот момент Дюшка Клюшкин отчаянно хотел, чтобы никаких ангелов в природе не существовало.

– Бес, скажи, это же не доказательство – поменять внешность?

Дима опять пожал плечами, поднял руку и описал в воздухе круг открытой ладонью. В тот же момент травяной газон, растущий на окне, и искусственная лужайка перед комнатным фонтаном в противоположном углу комнаты пустили ростки. Побегии бодрим темпом взметнулись по стенам к потолку, превратив комнату в зеленую беседку. Вся эта красота так

же мгновенно покрылась роскошными цветами. Цветы источали восхитительный аромат, а их сердцевинки искрились, словно светлячки. Вот теперь Дюшка и Ризи были окончательно поражены. Дюшка так обалдел, что просто не знал, что сказать и как себя вести. Он стоял столбиком посреди живого сверкающего чуда и молчал. Ризи оглядывал комнату спокойнее, но и на его лице читалось явное одобрение и восхищение мастерством ангела.

Цветы внезапно свернулись, превратились в шарики. Шарики один за другим стали отрываться от веток и парить в воздухе. А потом по очереди начали лопаться и осыпать комнату блестящим дождем, похожим на конфетти.

Все исчезло так же стремительно, как возникло. Перед Дюшкой и Ризом вновь стоял темнокожий юноша без крыльев и сияний. В комнату вошел второй молодой человек, которого Ризи видел впервые в жизни.

– Познакомьтесь, – сказал Дима. – Это мой лучший друг Рон. Рональд Э-Ли-Ли-Доу. Тоже ангел.

– Рон? – Ризенгри непроизвольно вскочил со своего места: вот уж кого он не ожидал сейчас встретить... – Вы тот самый Рон, который меня в детстве нянчил?

Рон кивнул.

– Круто! – сказал Ризи, оглядывая Рона с ног до головы. – Ключка, прикинь, этот ангел меня в детстве в пеленки заворачивал, а я сквозь них проваливался. Правда, приколы? Мне сеструха рассказывала, а уж она-то врать не будет, она сама ангел...

– Как это «проваливался»? – не понял Дюшка.

Спрашивал он почти механически. На самом деле все это время Дюшка слушал и смотрел, как говорится, вполуха и вполглаза. Ключкин пялился на ангелов, а в его голове свербила одна простая мысль: «Ангелы существуют. Ангелы существуют. Ангелы, мутант-черт возьми, реально существуют! Вот ведь суслик!» Ризи между тем принялся рассказывать что-то о своем тяжелом детстве. Или легком. Дюшка не слышал и не слушал. «Значит, не только мутанты за мной подсматривали, – думал Дюшка. – Значит, ангелы тоже». Значит, они видели, как он таскал крем из бабушкиной косметички, неуклюже впервые в жизни поцеловал Варю Воронину, плакал из-за того, что не родился мутантом. А еще Дюшке вдруг вспомнилось, как однажды, давно, он нечаянно смачно чихнул за столом, прямо над папиной тарелкой. В этот момент рядом никого не было. Папа вошел чуть позже, сел на свое место и принялся обедать. Так всю тарелку и съел. Неужели и это ангелы видели? Нет! Не надо! Только не это! Но он же не знал тогда, что...

Дюшка посмотрел на Диму, тщетно пытаясь скрыть охватившее его смущение и почти отчаяние. Может, эти ангелы, нянчившие Ризи, никогда не следили за Дюшкой? Может, им и вовсе плевать на какого-то там Ключкина? Ну пусть им будет плевать, ну пожалуйста! Пусть Дима даже и не смотрит в его сторону, а?

Дима Чахлык и не думал смотреть в сторону Дюшки и замечать его чувства. Дима внимательно слушал Ризи и Рона, которые продолжали разговор о детстве супермутанта. Дюшка облегченно вздохнул. Хотя настоящего облегчения так и не наступило.

– Ребята, у нас очень мало времени, – сказал Дима, прерывая бурные воспоминания. – Давайте поговорим потом. Риз и Дюшка! Сейчас мы с Роном собираемся поместить вас вот в эти штуки. Это капсулы для переноса между мирами. Вы согласны отправиться в путешествие?

– Это совсем не страшно, вы ровным счетом ничего не почувствуете, – добавил Рон.

В какой же момент в комнате оказались два странных синих яйца с откидными крышками? Да, ангелы действительно способны творить настоящие чудеса! Дюшка постарался выкинуть из головы все глупости и гадости, которые он совершал и о которых в принципе могли знать ангелы. Леший с ним, с прошлым. Хоть сейчас бы в грязь лицом не ударить.

– Да я и не боюсь, в общем-то, – демонстративно пожал плечами Дюшка, делая шаг по направлению к камере. – А куда садиться надо? И куда мы потом попадем?

Рон принялся показывать Дюшке камеру, объясняя по ходу дела, как она устроена. Камера переноса между мирами была устроена из сиденья, в котором можно было находиться в полулежачем состоянии, и нескольких оболочек, вращающихся друг в друге. Дюшка с помощью Рона влез в камеру и устроился на сиденье. Внутри оказалось уютно. Крышка медленно закрылась. Ризенгри наблюдал за их действиями издали. Сам он, похоже, не собирался залезать ни в какую камеру.

– Где моя сестра? – спросил Риз. – Почему Дженифер не прилетела вместе с вами?

– Она не может сейчас здесь появиться, – спокойно объяснил Дима.

Дима не стал вдаваться в подробности, сообщать о том, что Джен ушла в океан, что ее больше нет. Но Риза волновало не отсутствие сестры как таковое. Просто сестра его стопроцентно не обманула бы. А вручать свою любимую жизнь этим лихим молодчикам Ризенгри Шортэндлонгу вовсе не хотелось.

– Куда вы собираетесь нас отправить?

Дима с Роном переглянулись.

– К нам в гости. И в другие миры.

– Так к вам в гости или в другие миры?

– Ризи, почему ты не хочешь просто нам довериться? – спросил Дима. – Ты же понимаешь, что мы, ангелы, никому еще не причинили никакого вреда и...

– Джен говорила, что я никогда не смогу попасть к вам. Ни-ког-да. Никогда – это никогда. Значит, или она мне врала раньше, или вы врете теперь. Почему же я должен вам доверять?

Дима и Рон опять переглянулись.

– Мы тебе не врем, и Джен тоже не врала, – сухо сказал Дима. – Дюшка попадет к нам в гости. Ты, такой, какой ты сейчас, к нам попасть не можешь. Но ты можешь побывать в других мирах, в других реальностях.

– А если я не хочу в другие миры? – Риз стоял на своем.

– Твой мир меньше чем через час разлетится на куски, а потом замрет, – объяснил Рон. – На нем никому не выжить. Мы спасаем тебя. Пытаемся спасти. Всеми силами. У нас мало времени. Просто поверь нам и сядь в камеру переноса.

Риз встал, но подошел не к капсуле, а к окну. За окном была черная ночь. Даже фонарь во дворе дачи Кэшлоу не горел.

– Кого еще вы спасаете? – спросил Риз. – В смысле, кого еще спасают ангелы? И за какие конкретно заслуги?

Ответом Ризу было красноречивое молчание. Риз отвернулся от окна, посмотрел в глаза Диме, затем в глаза Рону. По его лицу блуждала презрительная усмешка. Лучи над его головой, которые могли видеть только ангелы, состояли из злости, наглости и ощущения бесконечной внутренней силы.

– А если я не хочу, чтобы вы меня спасали? – спросил Риз. – Вот просто не хочу – и все?

Вместо ответа Дима поднял руку и слегка качнул указательным пальцем. И Ризенгри Шортэндлонг оказался в синем яйце. Он не мог двигаться, но не ощущал этого. Да и вообще ничего не ощущал. Время для него остановилось, как в глубоком сне без сновидений. Крышка второй камеры также закрылась.

Вне того, что можно увидеть.

Вне того, что можно услышать.

Вне того, что можно почувствовать или представить.

Вне того, что можно описать словами людей, хрюками мутантов и инфошарами ангелов.

Вне всего, не похожее ни на что, не вызывающее никаких ассоциаций.

Мебби Клейн прокладывал путь, завихря пространство. Оно привычно пузырилось, запоминая его действия, повторяя движения. Все вновь было спокойно и хорошо.

– Стоп! – скомандовала вдруг Янанна. – Опять суслик. Опять заклинило.

Варя Воронина остановилась. Она и сама почувствовала: тонкая черно-прозрачная ниточка, соединяющая ее с Ризенгри, а мир уровня Пи с Землей-11, опять замерла.

После того как Варя внезапно влюбилась в Ключкина и исчезла, по счастливой случайности держась в этот момент за руку супермутанта, у мутангелов-инфилоперов уровня Пи появилась возможность построить уникальную сокращалку. Но строительство сокращалки такой сложности – дело долгое. Когда нить заклинило в прошлый раз, Варя очень расстроилась, а Янанна не очень. Варя тогда подумала, что ей никогда больше не вернуться домой. А Янанна подумала, что Ризенгри отчего-то лишился своих способностей, и если это временное явление, все еще может быть хорошо. Конечно, Янанна не могла предположить, что ангелы временно превратили Ризи в обычного человека.

– Может быть, он просто испугался и сам остановил нить, – сказала она тогда.

– Разве супермутант может чего-то испугаться? – спросила Варя.

– Кто знает, кто знает... Он может осторожничать. Или, может, он решил проверить, что будет, если он остановит нить. Да мало ли... Давай ждать.

Они стали ждать.

Тщательное изучение нити показало, что она сначала была целая, единая, но потом разделилась. И теперь там, на том конце, как бы состоит из четырех ниточек, причем две нитки прикреплены жестко, третья – почти жестко к чему-то маленькому и пушистому, а четвертая, основная – к супермутанту Ризенгри Шортэндлонгу, который то ли сам застопорил процесс, то ли потерял свои способности.

Янанна оказалась права – вчера ночью нить Ризи опять стала тянуться. Мебби Клейн (Мебби Янанна Варя Клейн – как-то так) обрадовался и немедленно занялся делом. Но спустя три с половиной часа (по мутантскому времени) нить опять заклинило.

– Опять он осторожничает! – вздохнула Варя. – Придется снова ждать, да?

– Да...

– Долго?

– Не зна...

А дальше было как в старом анекдоте про двух гусениц, переползающих дорогу. «Ой, вдруг нас раз-да...» – «Да не разда...» Не успела Янанна завершить фразу, как нить Ризенгри оборвалась. Это произошло в тот момент, когда ангелы захлопнули крышку капсулы переноса между мирами. Догадаться об этом Янанна не могла.

– Это все? – холодея от ужаса, прошептала Варя. – Все?

– У нас еще есть три неподвижные ниточки, – покачала головой Янанна. – Кто знает, может, со временем они изменят свои свойства и...

И вновь Янанна оказалась права: прошло не более часа, и три нити стали подвижными, как резинки в гигантской космической рогатке. Они немедленно выстрелили чем-то куда-то и оборвались.

– Вот теперь все, – подвела итог Янанна. – Никакой связи с Землей-11 у нас больше нет.

– Это конец... – Звук так и не смог сорваться с сухих Вариных губ, но Янанна ее поняла.

Это был конец. Самый настоящий конец света на Земле-11, который ангелы предотвращать не стали. Нет-нет, не подумайте ничего плохого! Планета Дюшки Ключкина не взорвалась, не была поглощена водами потопа или извержениями магмы из недр взбунтовавшихся

вулканов, а жуткие отравляющие газы не обрекли выживших на медленную, мучительную смерть. Все произошло совсем не так. А вот как...

Диди. Далее будет описан один из сценариев «конца света», который сами ангелы называют «мягкой остановкой». Таким образом миры обычно как бы замораживают, оставляя в законсервированном состоянии до лучших времен, когда станет понятно, что же делать с уродами, которые довели свою планету до плачевного состояния, несовместимого с дальнейшей жизнью. Если вы не инфилонер и/или не собираетесь становиться мутангелом, вам не обязательно это читать, можете спокойно переходить к следующей главе.

* * *

Мир вздрогнул и разлетелся на кусочки, но... только теоретически. Практически все они остались на месте, между ними лишь наметились границы, словно трещинки. Всего таких «кусочков» было несколько десятков тысяч, то есть это были такие довольно большие кусищи-локации, некоторые из которых вмещали крупные города, а то и пять-шесть городов. На этом первый этап конца света в режиме мягкой остановки был завершен. Это самый сложный этап. Дело в том, что границы локаций невозможно точно просчитать заранее, ведь остановить жизнь нужно одновременно на всей планете, да так, чтобы ни один мутант, кысыбрыс или мутокротик при этом не пострадал, случайно оказавшись на границе локаций.

Второй этап конца света называется «сканирование». Он длится гораздо дольше разделения на локации, почти полторы секунды. Особо чувствительные мутанты третьего порядка в этот момент могут ощутить дискомфорт и напрячься. Но испугаться по-настоящему никто не успевает, потому что сразу после сканирования начинается третий этап – отключка.

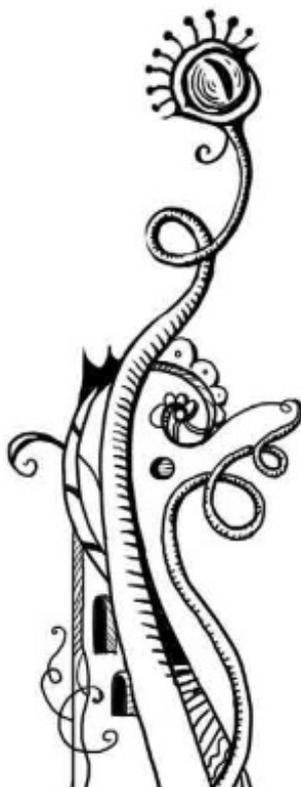
Отключка – самый долгий этап. Он может растягиваться на несколько часов, а иногда и дней, хотя все живые существа усыпляются мгновенно. Но ведь мало усыпить людей или мутантов. Надо аккуратно остановить автомобили, по возможности припарковав их у обочин, довести поезда до станций, а корабли – до ближайших портов, посадить самолеты. Многие технологические процессы на заводах и фабриках также требуют медленной, спокойной остановки. На этапе отключки ангелы не затрагивают природные процессы: так же текут реки, идут снега, дуют ветры. Правда, уже на этом этапе начинается работа с морскими глубинами и вулканами – как на дне океанов, так и на суше.

После того как все остановлено, стартуют пленочные работы. Это процесс полностью автоматический, начинается от верхних границ в каждой локации отдельно и проходит в два приема. Все биологические объекты (включая, например, продукты в холодильниках) укутываются нано пленкой одного типа, образуя как бы коконы. Эту пленку можно увидеть невооруженным глазом, но не везде: на коже она почти незаметна, а вот на волосах видна; запленоного слоникотюба от обычного нипочем не отличишь, а вот коконы на покусодонтах видны уже с расстояния в один метр. Пленка эта достаточно эластичная, ее можно ухватить двумя пальцами и потянуть. Срок консервации биоматериалов, упакованных таким образом, – несколько миллионов лет. Все остальные объекты, небологические, покрываются пленкой другого типа, это скорее похоже на напыление, а не на сплошной покров. Чтобы узнать, есть на предмете напыление или нет, нужно перейти в тонкое состояние (если ты ангел) или воспользоваться специальным прибором. Просто так эти пленки не видны и не ощутимы.

На предпоследнем этапе останавливаются воды и воздушные течения. Полностью их останавливать недопустимо, все эти процессы переводят в так называемый контролируемый кругооборот.

И последний этап – проверка. Этот этап не завершается никогда и носит перманентный характер. Первую проверку проводят все бригады ангелов-консерваторов сразу после завершения собственно конца света. Вторую – неполным составом – спустя три дня. Для последующих проверок обычно бывает достаточно нескольких специалистов.

Бывают ли случаи смертельного исхода при мягком конце света? Да, бывают. Кто-то может угодить в трещину при взрыве мира и разделе его на куски-локации, кого-то могут не слишком тщательно укутать нанопленкой... Однако это не имеет никакого значения: люди или мутанты в остановленных мирах не просто спят, они спят вечным сном, и будить их никто не собирается. Именно поэтому любая остановка мира однозначно называется концом света, а все спящие на ней считаются (и являются) умершими. И никаких иллюзий.

Глава 2 Осколки правды

– Ну, что? Добро пожаловать в гости к ангелам!

Дюшка с недоумением посмотрел на Диму и Рона, которые стояли возле медленно откидывающейся крышки его капсулы. Они были все в той же комнате, на даче. Никуда не летали, не переносились. И вообще секунды даже не прошло с того момента, как он влез в эту синюю штуковину. Может, его просто разыгрывают? Ключкин вылез из яйца, ничего не понимая.

– Ты у нас новичок, к тому же гость, – объяснил Рон. – Комнаты для гостей мы делаем такими, какие были в их родном мире. Это одна из твоих комнат. Но ты можешь выбрать любую другую.

Все еще считая происходящее розыгрышем, Ключкин открыл дверь, которая раньше вела в небольшую проходную гостиную второго этажа. Теперь вместо гостиной он попал в довольно просторный полукруглый зал, которого на даче Кэшлоу никак не могло быть. И Дюшка наконец понял, что все это не розыгрыш.

Капсула перенеслась в один из материальных домов Димы Чахлыка. Ключкин не был ангелом, он был обычным гостем, в простом материальном теле, с ногами, руками, мозгами и всеми прочими тяжеловесными атрибутами. Эти атрибуты не позволяли ему посетить или просто увидеть тонкие миры.

– Но ты не переживай, – утешил его Дима. – Когда-нибудь ты станешь настоящим ангелом. И тогда все увидишь по полной программе. А пока потерпи уж, ладно?

У Дюшки не было никакой уверенности в том, что он когда-нибудь станет ангелом. Но сейчас думать об этом не хотелось. Да и какой мальчишка станет заморачиваться на подобных мелочах, находясь на пороге такого невероятного приключения? Дюшка и не стал заморачиваться. Только оглянулся в поисках второй камеры:

– Дима, простите, а где Ризи?

– Давай на «ты», о'кей?

Дюшка кивнул.

– Ризенгри жив, здоров, он в полном порядке. К сожалению, мы не можем его пригласить сюда. Ты с ним встретишься потом, только не здесь.

– А почему его нельзя сюда пригласить? – не понял Дюшка. – Он не хулиганистый, он ничего не испортит.

Дима и Рон дружно засмеялись.

– Да нет, дело не в этом! Просто чтобы сюда попасть, нужны определенные, как бы тебе попроще объяснить... Определенные способности, так скажем. У тебя они есть, а у Риза пока их нет.

Дюшка в упор не мог понять, какие такие особые способности у него есть, а у супермутанта, способного на все, нет. Но Дима сказал, что в этом так, с полпинка Дюшке все равно не разобраться. Он предложил вернуться к этому вопросу позже, а пока для начала осмотреть дом.

Дом был просто вау! Ничего подобного Ключкин даже представить себе не мог. Примерно на тридцатой комнате Ключкину от избытка впечатлений даже немного поплохело. Потом Рональд Э-Ли-Ли-Доу слинял по своим делам, а Дима с Дюшкой позавтракали и пошли побродить по окрестностям.

Окрестности Дюшку также впечатлили. Деревья и травы в мире ангелов не кусались и были совершенно неопасны. Великолепие вокруг царило неопишное. Дима и Дюшка пошли по дороге, ведущей к озеру. Над озером клубился туман, но было тепло и совсем не сыро. Дорога спускалась вниз, прямо в туман, окружающий озеро. Туман был легкий, но странный. Или что-то не то было с самим воздухом?

– Попробуй подпрыгнуть! – склонившись к Дюшке, заговорщически шепнул Дима.

Дюшка подпрыгнул. Вообще-то он был далеко не спортивного телосложения, но тут прыжок у него получился, как у спортсмена-легкоатлета. Туман словно поддерживал его, не давая притянуться к земле сразу.

– Ничего себе!

Дюшка обернулся, посмотрел на Диму. Может, это просто очередные ангельские фокусы? Но нет, Дима ничего не делал. Дюшка подпрыгнул еще раз, повыше. Потом еще и еще. Толкаться было легко, а задерживаться в парении еще легче. Никогда раньше Ключкин не получал такого удовольствия от движения. Возле самого озера он набрался храбрости и сделал в воздухе самое настоящее сальто, похожее на кривой кувырок. Оно длилось целых пять секунд, как в замедленной съемке. Дима сопровождал Дюшкино сальто бурными аплодисментами.

– Здорово! – еле дыша, произнес Дюшка.

Хоть тут все получалось почти автоматически, дыхание у него с непривычки все-таки сбилось. Дима одобряюще улыбнулся.

– Тут всегда так легко прыгается?

– Всегда. Но по утрам особенно. Я просто обожаю это местечко. Потому и один из своих домов решил соорудить поблизости.

Дюшка с удовольствием потянулся, оглядел окрестности. Хотя все вдали плыло в серенькой дымке, все равно было очень красиво. Дорога была похожа на проселочную, только пыли на ней не было. Дюшка попробовал поддеть камешек носком кроссовки, камешек взлетел жестко, как с асфальта, а плюхнулся мягко-мягко, как в песок, но пыли при этом не поднялось.

Ложбинка с прыгательным туманом осталась позади. Дорога сделала петлю вправо, поднялась на косогор с ароматным, дрожащим воздухом – знаете, как это бывает над росистым лугом в летнее утро? – и нырнула вниз, в лес, за которым уже угадывалось озеро. Толстые корни некоторых старых деревьев служили естественными ступеньками.

– На них можно наступать? – на всякий случай спросил Дюшка.

Дима кивнул.

– Ух ты! – Дюшке было приятно осознавать, что он, такой маленький и без оружия, без бямски, без браслетки даже, и может гулять по лесу, и наступать на корни, и ничего не будет. – А ствол, кору можно потрогать?

Дима опять кивнул.

Диди. Бямска – это такой мутантский прибор, многофункциональный. С его помощью Майкл очищал снег перед своей виллой (см. «Уровень Дельта»), Бямска также может отогнать врага ультразвуком, продырявить стену и многое другое.

Дюшка осторожно потрогал:

– Шершавая.

– Ты даже в дупло залезть можешь, – подсказал Дима.

– Шутишь?

– Серьезно.

Дюшка обошел дерево с дуплом, еще раз потрогал кору.

– А в дупле что?

– В этом – ничего, прошлогодние листья и паутина. А вон в том, – Дима махнул рукой куда-то вверх, – вон в том белка живет.

Дюшка задрал голову и зажмурился: солнечные лучи, бившие сквозь листву, на мгновение ослепили его. Дима рассмеялся. Дюшка осторожно открыл глаза и покрутился. Листва сделала оборот, качнулась и пропустила еще один лучик.

– Я когда маленький был, на карусели катался, – сказал Дюшка. – А вокруг деревья росли, пластиковые. Их тоже можно было трогать. А если на карусели голову задрать и смотреть в небо, тоже было так... пятнисто...

Он опять покрутился, задрал голову. Дима молчал.

– Я тогда еще совсем маленький был и не понимал, что все ненастоящее. Я думал, листья тоже со мной кружатся. Играют. А потом, когда понял, что все не так...

Дима молчал. Дюшка еще раз потрогал кору, заглянул в дупло, ничего не увидел, решил не залезать, поднял с земли шишку...

В лесу было обалденно здорово. Он был наполнен звуками, запахами, движением – жизнью. Тропинка местами становилась совсем узкой, почти скрывалась в траве и листьях. Впрочем, вскоре они вышли на берег.

– Ух ты! – Дюшка шумно выдохнул от избытка чувств и огляделся.

Дима стоял позади и помалкивал. «Наверное, он просто привык, потому и не восхищается, он же давно здесь живет!» – догадался Дюшка.

Они немного прошли вдоль берега. Тут было тише, чем в лесу. Почти совсем тихо. Ветерок, что ли, перестал дуть? Птицы, что ли, угомонились?

Полоска леса, полоска травы и мелких, нежных цветов, полоска камней, потом – гладь воды, угадывающиеся на горизонте горы. И никаких указателей, рекламных плакатов, никакого мусора под табличками «Не сорить! Штраф!» – красота!

– Жалко, что у нас на Земле нет таких мест, – посетовал Дюшка. – Это было бы просто классно жить в таком месте. Когда я вернусь домой...

Дима решительно покачал головой, прерывая Ключкина.

– Дюшка, мне нужно сказать тебе правду. Ты никогда не вернешься.

– Почему?

Дюшка пока еще не осознал всей тяжести этого простого слова «никогда». Одно дело, когда «никогда» тебе говорят мама с папой: «Если ты не будешь есть кашу, то никогда не вырастешь!» Или сестренка: «Вот никогда больше не буду с тобой дружить!» И совсем дру-

гое дело, когда это слово произносит ангел: «Ты никогда туда не вернешься». Но Дюшка пока не знал, чем отличаются друг от друга эти разные «никогда».

– Я что, умер?

– Нет. Ты в полном порядке. Умерла твоя планета. И все, кто на ней жил.

– Не может быть! – Дюшка нахмурился. – Когда? Как?

– Садись. Сейчас покажу.

Дюшка оглянулся в поисках скамейки.

– Да прямо на траву садись, она не кусается.

Дима сел первым, показывая пример. Дюшка приземлился рядом, ничего не понимая.

– Мы, ангелы, не передаем друг другу информацию словами, это очень долго и не очень точно. Иногда мы передаем все сразу с помощью вот таких форм.

Дима раскрыл ладонь. На ней покоился маленький шарик молочного стекла. Ключикин взял шарик двумя пальцами. На ощупь он оказался мягким, словно из резины, и прохладным, как из холодильника.

– Эта штука не имеет ничего общего с вашими носителями информации для компьютеров, – пояснил Дима. – На этом вот шарике, например, полная запись того, как произошел конец света на твоей Земле.

– Видео, что ли? Мы тоже можем снимать фильмы, сколько угодно! – Дюшке вдруг стало обидно за свою родную цивилизацию. – Ерундиссимо с плюсом!

– Да, что-то вроде видео. Но не совсем. Представь себе, что ты смотришь не одно кино на одном экране, а сразу много фильмов, снятых с разных точек и разными людьми. И одновременно про все, что видишь, словно читаешь энциклопедию. Даже словно уже прочел.

Дима специально увел разговор в сторону от проблемы взрыва и остановки Дюшкиной родной Земли. Но Дюшка не уводился. Он покрутил в руках шарик и вернул его Диме со словами:

– Для меня это все сложно. И пользоваться я такими штуками не умею. Я просто хочу знать, что произошло. Вы, в смысле ангелы, снимали что-нибудь обычным способом?

Дима взял шарик, как-то по особенному выпустил его в пространство. Шарик завис в метре от его руки. Объемное изображение возникло прямо в воздухе. Дима показал Дюшке самую спокойную, самую не травмирующую психику съемку. С одного-единственного ракурса и без энциклопедических подробностей. Один маленький осколок правды. Они стали смотреть.

В какой-то момент Дюшка не выдержал и закрыл глаза. Кино тут же исчезло. Дима положил свою ладонь на Дюшкину, сжавшуюся в кулак. Они долго сидели, не шевелясь.

– Почти все мутанты ничего не успели почувствовать, – сказал Дима. – Только мутантов сто на всей планете оказались особо восприимчивыми. Но и для них все окончилось очень быстро.

Дюшка долго молчал. Потом наконец открыл глаза и глухо спросил, глядя в туман за озеро:

– Разве мою планету нельзя было спасти?

– В этот раз можно было, – сказал Дима. – Но следующий, естественный, конец света был бы гораздо болезненнее. В следующий раз миллиарды мутантов были бы обречены на долгие мучения от вырвавшейся на волю страшной болезни. Лучше уж так...

– Айв следующий раз спасти?

Дима сжал Дюшкину руку чуть явственнее, повернулся к нему, попытался поймать взгляд мальчика.

– Дюшка, есть планеты и культуры, которые изживают сами себя. Не все можно делать бесконечно. Мы много раз спасали твою планету, очень много раз. Мы много раз предупре-

ждали и правительства, и разных чиновников, от которых что-то зависело. Наши наблюдатели много лет делали все, что могли.

– Не все вы делали! – Дюшке было горько, обидно и непонятно. – Ведь почти никто из нас не знал, что вообще есть ангелы. Почему вы не сказали ничего в открытую простым людям? Мы бы поняли! Мы бы изменились!

– Всех, кто хоть как-то хотел бы измениться или хоть как-то мог бы измениться, мы с твоей планеты спасли. На всякий случай мы спасли даже того, у которого не было ни одного шанса, но в которого просто верила одна из нас.

– И многих вы спасли?

– Двоих. Тебя и Риза.

– И все?!

– Мы проверили всех, даже младенцев, но увы...

Диди. Ангелы на самом деле спасли с Земли-11 всего двоих: Ризенгри Шортэндлонга и Андрея Ключикина. Если вы прочтете роман «Спасите Ивори, спасите Ивори Тийер», то можете подумать, что ангелы спасли еще около ста мутантов, которых изучали в СУМА-СОЙТИ. Но это не так. Тех мутантов не удалось спасти по-настоящему, ведь они попали в тела других людей, в их сознание, в их память. Какое же это спасение? Это так, полумера. Увы.

Дюшка хотел спросить, как можно проверить младенца. Разве можно узнать заранее, каким вырастет грудной ребенок, плохим или хорошим? Но вместо этого Дюшка спросил:

– А кто в меня верил?

– Верила Джени. Дженифер Шортэндлонг. Но не в тебя, а в Риза. У него не было ни одного шанса. Именно его мы спасли на всякий случай. А тебя мы спасли просто потому, что ты этого заслуживаешь.

Диди. Можно ли сделать какие-то прогнозы относительно будущего маленьких детей? Как ни странно, да, можно. Ангелы умеют это, и их прогнозы весьма точны. Чтобы сделать точный прогноз, надо учесть все генетические и социальные составляющие, а также рассчитать «дерево» маловероятных возможностей.

А как же свобода воли, свобода выбора? – спросите вы. А никак, почти никак. Подавляющее большинство людей даже данные им от природы таланты и способности не реализуют в полной мере, а уж чтоб сознательно изменить себя-а... Нет, вокруг этого много разговоров, но до дела почти никогда не доходит. Первыми выдыхаются энтузиасты категории «с понедельника начну», вторыми сходят с дистанции упертые холерики из разряда «я им всем докажу», и так далее.

Все так фатально? Ага. Но есть исключения. Инфилоперы. Если вы – инфилопер, состоявшийся или потенциальный, вам задача изменить себя будет по зубам. Она не станет легче, не обольщайтесь. Просто если вы инфилопер – у вас получится. Если у вас получилось – вы инфилопер.

Кажется, пора дать определение инфилоперам...

Инфилопер – это тот, кто в состоянии менять, создавая что-то качественно новое, принципиально новое.

Это редкий дар. С ним нужно родиться. Но иногда он появляется по желанию, только желание это должно быть прямо-таки бешеное, как-то так...

Мечты инфилоперов часто называют безумием. А потом эти мечты воплощаются. И неинфилоперы снисходительно пожимают плечами и говорят: «Ему повезло!», или «Это

случайность!», или «Новое – хорошо забытое старое!». Или изредка: «Да что ж вы хотите, это же Леонардо! Он же гений!»

Глава 3 Уровень Альфа

– А тебя мы спасли просто потому, что ты этого заслуживаешь.

Дюшка отрицательно покачал головой, ничего не отвечая и продолжая смотреть на воду. Они сидели на самом берегу, в трех шагах от спокойного зеленого озера, точнее, пруда. Две утки неожиданно выплыли из тумана и тупо уставились на странных двуногих существ, сидящих на берегу. Большой сизый селезень, вопросительно наклонив голову, изучал Дюшку одним глазом. Утка поменьше, с лиловым отливом крыльев, требовательно крикнула, обращаясь явно к Диме.

– Это Макс и Мэри, мои старые знакомые, – пояснил Дима. – Мы с ними иногда вместе обедаем.

Он достал откуда-то небольшую круглую булку и принялся крошить ее в пруд. Пока утки обедали, Дюшка несколько раз открывал рот, собираясь сказать Диме что-то важное. Но каждый раз не решался и опять закрывал рот.

– Дима...

– Да? – Еще несколько крошек неспешно полетели в воду.

– Я хотел спросить...

Слова из Дюшки вылетали медленнее, чем крошки из рук ангела. Наверное, в этом был виноват туман, замедляющий все, что происходило вблизи озера.

– Я хотел спросить... Спросить... Вот что спросить: а чем я заслужил? Ну, что вы меня это...

Дима отряхнул руки от крошек – он успел скормить уткам всю булку – и встал. В его глазах бесились веселые искорки.

– Чем заслужил? Хотя бы уже тем, что задаешь подобные вопросы и таким тоном!

Дюшка смутился: над ним просто смеются! Он отвел глаза и принялся грызть ноготь. Ну почему ему так не везет в жизни? Родился последним человеком, планета взорвалась, Риз исчез куда-то, ангелы над ним просто издеваются. Дима нагнулся, взял Дюшку за руку и отодвинул ее в сторону, на траву. «Ну вот, еще и ногти погрызть не дают!» – подумал Дюшка.

– А ты сам как думаешь: почему мы именно тебя спасли? Чем ты лучше других?

– Вообще ничем!

– Ну, так уж «вообще ничем»?

Дюшкина рука опять механически потянулась ко рту. Странно, раньше у Ключкина не было привычки грызть ногти. Он досадливо сунул руку в карман и сказал:

– Нет, я, конечно, не совсем ничем... Я хрюкаю хорошо, лучше всех в классе, а может, даже лучше всех в школе. Правда, насчет школы я не уверен. Но по оперативному хрюканью у меня всегда была твердая пятерка.

– Ну вот, видишь! – обрадовался Дима. – Уже что-то особенное нашли.

Дюшка скосил глаза и посмотрел на Диму с большим сомнением: не может быть, чтобы ангелы выделили его из всех только потому, что он отлично хрюкает!

– Еще у меня художественные способности есть, – продолжил Дюшка. – Рисую я неплохо, а больше люблю с камнями возиться. Мозаику сделал нехилую такую, в доме у Славика. То есть у деда. Ничего себе получилось. Все, кто видел, сказали, что для моего возраста такая работа – просто супер... Может быть, во мне зреет большой талант и со временем я стану знаменитым художником или скульптором?

Дима абсолютно серьезно кивнул:

– Да, художественные задатки у тебя тоже есть. И ты вполне можешь со временем стать превосходным художником и дизайнером, это точно. Но я имел в виду кое-что другое. Как ты думаешь, что?

В глазах ангела опять мелькнули чертики.

– Не знаю, – буркнул Дюшка. – Ничего во мне больше особенного нету.

– Прямо совсем никаких положительных качеств?

– Нет.

– То есть ты не добрый...

Дюшка вспомнил, как его сестренки-близняшки с визгом таскали друг друга за косы, а он сидел, зажав уши руками, а потом стал лупить их обеих подушкой и орать всякие глупости. Он всерьез тогда мечтал о том, чтобы эти дурынды выдрали друг дружке все косы насмерть, и тогда он останется у родителей один, и никто никогда не будет ему мешать и...

– Нет, я не добрый, – сказал Дюшка, стряхивая с себя неприятное воспоминание. – Я точно не добрый.

– Но зато ты честный, – тут же продолжил Дима. – Если уж «точно не добрый», но можешь честно признаться в своих недостатках...

На этот раз перед Дюшкиным внутренним взором возник целый калейдоскоп ситуаций, в которых он проявлял себя как раз с противоположной стороны. В центре калейдоскопа сидел его папа, склонившийся над тарелкой с зеленой соплей. Видение отца было столь явным, что Дюшку даже пот прошиб. Он вскочил с травы. Теперь они с Димой стояли напротив друг друга: красавец-ангел и маленький раскрасневшийся полноватый парень с нелепо взъерошенными волосами.

– Я никакой не честный! Я не умею ни в чем признаваться! Я не добрый, не умный, не смелый и никакой не честный! Я вообще просто... просто тряпка, вот!

Дюшка выкрикнул все это на одном дыхании, опустил на траву и добавил:

– На фига вы меня спасали? Только мучить дальше, да?

– У тебя пока все?

– Все!

Дима сел рядом. Утки уплыли, туман почти рассеялся.

– Назови мне ситуацию, когда ты вел себя как тряпка.

– Да полно таких. Не хочу я об этом говорить вообще...

– Тем не менее... Одну.

– Ну, любую можно. Ну, хотя бы взять тот день, когда Бес вытащил из меня датчики. То есть Ризи в смысле...

– Отлично, тридцатого декабря двести пятьдесят пятого года по стандартному мутантскому календарю. И что там ты делал не так?

Дюшка задумался:

– Все не так. Решил убежать на этот реактор, как дурак. Разве мне было туда добраться? Через полпланеты, без денег, с датчиками, да еще ангелы за мной следили. Следили же?

Дима кивнул, но тут же возразил:

– Согласен, план побега у тебя был просто никакой. Но разве то, что ты решился на такой шаг, характеризует тебя как тряпку? По-моему, как раз наоборот.

– Но это же я от отчаяния решился!

– Но решился же!

На это Дюшке возразить было нечего. Дима внимательно смотрел на своего гостя. Теперь ангел не сидел, а валялся на траве, на боку, опираясь на локоть и лениво жуя травинку.

– Я крови боюсь. И боли тоже. Очень боюсь, правда. Прямо до потери сознания. Разве смелые люди боятся порезаться или поцарапаться? Когда Ризи вытаскивал из меня первый датчик, я сам не знаю, как не упал в обморок. Просто чудом.

– Но ведь не упал же!

– У меня тогда стресс был. А если бы то же самое просто так, то я бы точно не выдержал.

– Хорошо, давай проверим.

Не меняя позы и даже не выпуская изо рта травинку, Дима вдруг вытащил из кармана нож и легким движением руки полоснул лезвием по своей другой руке сверху вниз. С внешней стороны, от кисти к локтю. Дюшка от неожиданности ойкнул и отпрянул. Как будто это была его рука, а не Димина!

– Ну что? Кажется, с твоим сознанием все в полном порядке, без потерь, – заметил Дима. – Не так уж пугает тебя вид крови.

Дюшка молчал. Ему было не по себе.

– Нет, ты же вполне, оказывается, можешь смотреть на кровь. Можешь?

– Могу, – выдавил Дюшка, – но...

– «Могу», на этом и остановимся, – перебил его Дима. – Поехали проверять дальше. Так ли уж ты боишься боли. Давай теперь твою руку.

Дюшка побледнел. Дима валялся на траве в прежней небрежной позе с травинкой во рту и рукой, по которой бежал на землю красный ручеек.

– Ну просто протяни мне свою руку, – спокойно повторил Дима. – Я понимаю, что ты, возможно, боишься боли. Но ведь просто протянуть вперед руку – это же не больно?

Дюшка механически протянул вперед правую руку. Это движение было почти бессознательное, и оно Дюшкиного ангела не устраивало.

– Закатай рукав.

Дима вышел гулять в сорочке с коротким рукавом, а на Ключкине была та же зимняя одежда, в которой он совсем недавно торчал на даче у Майкла. Дюшка убрал руку обратно. По его животу гулял вверх-вниз большой холодный шар. Во рту стало одновременно очень сухо и очень мокро.

– Просто закатать рукав – это ведь тоже не больно? – резонно заметил Дима.

Дюшка сдвинул манжет на широкой резинке ближе к локтю.

– Теперь еще раз протяни руку.

Дюшка не мог этого сделать. Он оближал пересохшие губы и увидел, что краски вокруг неторопливо теряют свою яркость. Дима поднял нож и демонстративно забросил его далеко в пруд. Вытащил изо рта травинку, снисходительно улыбнулся уголком рта:

– Просто протяни мне руку.

Теперь, когда в руках Димы была безобидная травинка, Дюшка молча протянул ему свою руку. При этом он чувствовал себя полным ничтожеством, просто полнейшим. Нюней, тряпкой и размазней. Вот если бы он совершил это простое движение тремя секундами раньше – это был бы поступок. А так...

– Эй, больно!!!

Дюшка возмущенно отдернул руку. Царапина была довольно глубокая и длинная. Точно такая же, как у Димы. Ключкин вскочил. Он был вне себя от злости. И еще эти гребаные ангелы хвастаются тем, что никогда не обманывают!

– Суслик!!! Ты же выбросил нож в воду! Я сам видел!

– Разве у меня не может быть второго ножа?

Дима продемонстрировал Дюшке второй нож – такой же, как первый, только не с черной, а с красной рукояткой. И так же демонстративно швырнул его в пруд вслед за первым.

– Мне же больно! Зачем?! Зачем ты меня обманул?

– Чтобы ты наконец поверил в себя. Убедился в том, что никакой боли ты не боишься.

– Боюсь!

– Нет. Давай разбираться. Тебе сейчас, конкретно сейчас, больно?

– Да!!!

– Правильно. А тебе сейчас, конкретно сейчас, страшно? Конкретно сейчас ты все еще боишься?

– Конкретно сейчас нет. Самой по себе боли я не боюсь. Но мне было страшно. Если бы у тебя в руке был нож, я бы тебе руку не протянул. Ты меня просто обманул.

– Извини меня, – попросил Дима. – Не должен был я всего этого делать.

Он провел ладонью вдоль Дюшкиной царапины, и от нее не осталось и следа. Дюшка скосил глаза на свою руку и ничего не сказал. Сказал Дима:

– Прости меня, дурака. Прости, пожалуйста. У меня в гостях тринадцатилетний маленький мальчик, планета которого только что взорвалась, а я его вместо того, чтобы мороженым угощать... Извини меня. Давай забудем?

Дюшка молчал, кусая губы и неотрывно глядя на зажившую руку.

– Давай по мороженому? – предложил Дима.

Слева от них нарисовался столик под тентом с двумя скамьями и двумя роскошных размеров вазочками. Две внушительные горки разноцветных холодных шариков были щедро украшены кусочками фруктов и облиты: одна горка – шоколадным муссом, вторая – вроде вишневым вареньем.

– Смотри, что у меня есть. – Дима мотнул головой в сторону столика.

Дюшка посмотрел на мороженое, продолжая думать о чем-то своем. Прошла вечность.

– У меня еще много чего есть, – продолжил Дима. – Просто скажи, чего тебе надо.

Дюшка облизал вторично пересохшие губы, собрался с духом:

– У тебя есть еще один нож?

Дима молча достал из кармана третий нож, с коричневой рукояткой. Не сговариваясь, они подошли к столу. Мороженое с него исчезло. Дюшка сел, положил правую руку на стол, ладонью вниз. Дима сел напротив:

– Давай левую.

Дюшка поменял руку. Все происходило молча и медленно. Утро окончилось, даже под тентом теперь было жарко, особенно в теплой зимней спортивке. Капли пота катились по Дюшкиным вискам к подбородку. Только лезвие показалось холодным, да и то в первый момент. Гуляющий от желудка до кишечника ком в этот раз превратился во что-то вязкое в районе горла. Но какое оно, это чувство в районе горла, Ключкин не мог точно сказать, потому что все его внимание теперь было сосредоточено на другом: не убрать руку.

Дима вытер лезвие о свою ладонь и положил нож на стол. Дюшка смотрел на него очень долго. Но потом все-таки взял своей рукой.

Все было очень сложно: каждое следующее решение, каждое следующее движение. Но зато теперь Дюшка точно знал: если он и тряпка, это можно изменить.

Потом они пошли купаться. Вода в пруду оказалась теплая и хоть зеленая, но прозрачная и чистая. Царапины на руках щипало от воды, но это только напоминало Дюшке о том, что он смог, и от этого было даже как-то немного приятно.

Потом они ели мороженое, болтали. К ним присоединился Рон. Потом прилетели другие ангелы – немного, человек десять. Потом опять купались, все вместе. Потом вернулись домой.

– Дюшка, ты пока сам тут отдыхай, развлекайся, у нас с Роном дело одно неотложное есть, – сказал Дима. – Мы тебя ненадолго оставим. Нам нужно решить, что делать с Ризом.

– Я с вами.

– С нами нельзя. Лучше подбери себе новый гардероб пока. Не будешь же ты вечно ходить в этой спортивке. Лили тебе поможет, она в одной из прошлых жизней была, между прочим, крутым стилистом.

Лили была одной из подруг Рона и Димы, Дюшка уже успел с ней познакомиться на озере. Стильная, не очень красивая и очень веселая.

– Дим, пожалуйста!

– Дюшка, такие вопросы должны решать между собой ангелы. А ты пока не ангел...

– Но я им буду!

– Ну, во-первых, еще неизвестно, получится из тебя ангел или нет.

– Получится!

– Мы тоже в это верим, но пока...

– Дима, пожалуйста!

– Дюшка, я же сказал: нельзя. Нельзя тебе с нами обсуждать будущее Риза Шортэнд-лонга. Тем более что...

– А я буду сидеть и молчать. Просто слушать.

Дима вздохнул, щелчком пальцев навалил на диван позади Дюшки ворох одежды:

– Ладно. Только сначала переоденься все-таки. Мы будем в кабинете на первом этаже. Где карта на потолке. Найдешь?

Рональд Э-Ли-Ли-Доу и Дима Чахлык обсудили все до прихода Дюшки, хотя Дюшка нисколько не задержался. У ангелов это быстро: перекинулись тремя-четырьмя шариками – и всем все ясно. Собственно «обсуждение» предназначалось как раз Ключкину. Этот осколок правды изначально был фальшивым, но Дюшке не суждено было об этом узнать. Так же как и о том, что все это время с ним находилось не более четверти Димы, а остальные его части болтались в самых различных частях света. Так же, как многое другое.

Дюшка, переодетый в нормальную летнюю одежду и запыхавшийся, почти вбежал в кабинет с картой на потолке. И остановился возле высоких дверей, открыв рот от изумления. Кабинет с пола до потолка переливался кубами, в каждом из которых шло свое действие. Кубов было никак не меньше полусотни, а может, даже двести или триста. Дима указал Дюшке на кресло в углу комнаты. Дюшка тихонько, бочком, пробрался к креслу, утонул в нем и замер.

Дима и Рон перебирали изображения, перемещая кубы в непостижимом для Ключкина порядке. Какие-то выкидывали, какие-то ускоряли, какие-то уменьшали.

То вдруг все изображения выстроились плоско, в один слой, стенкой. А перед стенкой появились еще несколько стенок с такими же изображениями. При этом ангелы переговари-

вались с такой скоростью и на таком сленге, что Дюшка при всем желании ничего не мог понять.

Впрочем, кое-что он все-таки уловил. Во-первых, он понял, что Ризу не собираются делать ничего плохого. Во-вторых, он просек, что Ризу дадут несколько попыток. И, в-третьих, он пришел к выводу, что основное, чего не хватает Ризу, – это способности сопереживать другим людям и чувствовать их. Причем вроде как ангелы рассчитывали, что Ризенгри начнет сочувствовать другим, потеряв свои мутантские способности. Но этого вроде как не произошло.

Дальше ангелы залопотали и заспорили с такой скоростью и непонятностью, что Ключкин скис окончательно и понял, что Дима был прав, когда сказал, что обсуждать что-то с ангелами ему рано. Когда Дюшка уж совсем принял решение пойти спать, юноши вдруг сбавили темп, и Рои сказал:

– Нет, тут я с тобой не согласен.

– Тогда давай посмотреть этот кусок подробнее! – поджал губы Дима.

– Давай подробнее! – согласился Рои.

– Детский сад! – прокомментировал Дима, выбирая один из кубов и сворачивая все остальные в шарик. – Детский сад, посмотреть по одному изображению. Может быть, еще покадрово запустить?

– Может быть, покадрово.

В кубе появился идущий по улице Ризенгри – Венька Бесов. Дюшка прикинул – вроде как съемка позапрошлогодней давности. Ризи шел в школу, на улице было утро, и все куда-то спешили. Риз тоже спешил. Он завернул в ближайший подъезд, изменил внешность, став девушкой, надел легкую яркую куртку. Вышел из подъезда, зашел в магазин, где купил бутылку газировки, перетрогав чуть ли не все банки на полке с товаром. Положил банку в камеру хранения, тут же опять прошел в салон к тем же полкам, взял еще четыре упаковки сока, заплатил, достал из камеры газировку и вышел окончательно. Три упаковки сока он выбросил в мусор, а одну спрятал в портфель. Затем сел в битком набитый автобус, идущий в противоположную от школы сторону, вылез. Пробежался дворами, по пути заскочил в какую-то квартиру и только потом пошел в школу, сняв предварительно куртку и вернув себе прежний облик. Куртку Ризенгри свернул и сунул в портфель, к соку.

В обычном виде, даже замедленном, ничего особенного в действиях Риза не обнаруживалось. Логика никакой тоже не обнаруживалась. Так, бред какой-то. Но как только ангелы переключили ту же съемку в какой-то особый режим, Ключкин увидел, как в автобусе Ризенгри спокойно стырил деньги у одной тетки, запустив руку в ее кошелек прямо сквозь сумку. При покупке газировки не случайно долго выбирал банку, а целенаправленно что-то впрыскивал в каждую упаковку, которую крутил в руках. А проникнув в чужую квартиру, вообще вел себя странно: заменил губную помаду на столике с зеркалом, открутил мимоходом дверную ручку и обвел кружочком дату на календаре у входа.

– Ничего себе! – заметил Дюшка.

Хоть он и дал Диме честное слово, что будет сидеть тихо, но тут не выдержал. Дюшка расстроился: он не подозревал о том, что его друг способен на такие... такие некрасивые вещи, как воровство. Однако вскоре выяснилось, что Ризенгри вовсе не грабитель-карманник, не хулиган и не шизофреник. Все эти странные действия он совершал с одной вполне определенной целью: свести с ума учительницу биологии. Чем Эмма Павловна не угодила Ризу и за что он ей мстил, так для Ключкина и осталось тайной, но это было не важно. Важно было то, что мстил Риз хладнокровно, целенаправленно, очень изощренно и в полной уверенности в том, что он поступает абсолютно правильно! Риз забегал в квартиру учительницы почти ежедневно. Он менял мелкие предметы на похожие, но слегка другие. И несчастная Эмма каждое утро не могла понять, отчего ее помада опять другого цвета, а любимый цветок

кажется то большим, то маленьким. Деньги в кошельке Эммы он также постоянно менял. То часть забирал, то здорово добавлял, то вместо оставшейся до полочки крупной купюры клал тот же эквивалент мелкими денежками. Для всех этих махинаций Ризу и приходилось порой тырить кое-что у других мутантов, что он с успехом проделывал в автобусах, изредка – в магазинах и еще реже в школе. С газировкой и соками тоже все прояснилось. Почти сразу после того, как из магазина вышел Риз в виде девушки, туда вошла Эмма, подошла к тем же полкам и набрала себе любимых соков, запас которых у нее подошел к концу. Разумеется, расслабиться с соком Эмме не удалось: все до единой банки жутко горчило. Вечером этого же дня Эмма Павловна попыталась устроить в магазине скандал по поводу некачественного товара. Но в итоге сама попала в неловкую ситуацию: все банки были отличного качества, включая ту которую она предъявила как доказательство. Ничего ни капли не горчило. Риз успел вовремя, прямо в школе, заменить банку в сумке Эммы на нормальную. А три так и не купленные Эммой оставшиеся испорченные банки он купил и выбросил еще утром, чтобы они не достались другим покупателям.

– Уровень альфа! – сказал Дима, когда они все досмотрели.

– Что? – не понял Дюшка.

– Альфа, способность доводить задуманное до идеального уровня. Выжимать из ситуации максимум.

– Вот только можно довести до уровня альфа свое стихотворение или безупречно научиться играть гаммы, – вставил Рон. – А можно вот так... Идеально сводить с ума училку.

– Ну, что скажешь? – поинтересовался Дима, поворачиваясь к Ключкину и тут же переводя взгляд на Рона. – Что скажешь, Рон?

Рональд пока раздумывал, рассматривал что-то еще в одном кубе.

Дюшка тоже стал раздумывать. Он не мог однозначно оценить поступки Беса. С одной стороны, он понимал, что сводить с ума людей – это очень плохо, тем более что биологичке так и пришлось уходить из школы по состоянию здоровья. С другой стороны, Ключкин был искренне восхищен тем, какой его друг решительный, смелый и умный. Это ж какие мозги надо иметь: все это придумать и в реале провернуть! «Наверное, этим нельзя восхищаться! – подумал Дюшка. – Особенно если я собираюсь хоть когда-нибудь стать ангелом...»

Ангелы тоже не могли однозначно оценить поступки Риза. Рон сказал:

– Смотри, Ризенгри как бы не делает абсолютно ничего плохого, хотя делает все это назло Эмме. Он просто поступает сообразно со своими принципами. Это же с его точки зрения не месть, а восстановление справедливости. Он уверен, что поступает правильно. Может быть, достаточно просто немного изменить его представления о справедливости – и все?

С такой скоростью обсуждение Дюшке было понятно. Он очень переживал за Риза, и ему было важно и интересно мнение Димы. Он даже в кресле теперь не утопал, а сидел на самом кончике, весь обратившись в слух.

– Не думаю, что этого достаточно, – ответил Дима. – Вот смотрите. Допустим, мы меняем его представления о справедливости. Что он будет делать? Он просто с таким же рвением и усердием примется осуществлять новую программу. Разве от этого в нем появятся чувства, эмоции или способности к состраданию?

– Конечно появятся! – вскочил с места Дюшка. – Дима, Рон, они появятся, точно! Вот сами смотрите. Сейчас Ризи делает все назло. Назло училке. Потому и чувств в нем хороших нет. Чего ж от зла хорошего? А если он будет делать во имя добра, то есть ради доброй, благородной цели, то и чувства у него появятся добрые!

– То есть вы с Роном считаете, что Ризу нужно дать еще один шанс, такой, где он сможет действовать во имя благородной цели, – подытожил Дима. – И тогда все будет в порядке, так?

– Так! – подтвердил Дюшка и посмотрел на Рона.

Рональд раздумывал, опять вглядывался в какой-то куб.

– Ну, предположим, что это так, – согласился Дима. – И какую ты можешь предложить ситуацию с благородной целью для своего друга, чтобы его представления о справедливости изменились?

Дюшка сник. Он даже и вопроса-то толком не понял. Как это – предложить ситуацию с целью, чтобы...?

– Какие вообще существуют благородные цели? – стал рассуждать вслух Дима. – Вот, например, пожертвовать своей жизнью ради Родины – это благородная цель?

– Благородная! – Дюшка на мгновение обрадовался тому, что цель нашлась так быстро, но тут же опять скис: для Ризенгри понятие Родины не очень существовало, ведь он жил в разных странах, говорил на нескольких языках, да и вообще не был привязан ни к одной культуре.

– Многих людей и даже мутантов можно «подловить» на патриотизм, и это действительно может быть благородной целью, – продолжил Дима. – Но для Риза это не годится. Значит, ищем дальше. Ради чего или кого еще можно сделать что-то хоро...

– Ради мамы! – возбужденно вскочил с места Дюшка. – Ради мамы или папы. Точно.

Дима кивнул и извлек из ниоткуда куб с новыми кадрами. Спустя три минуты Дюшка понял: ради родителей Бес ничего такого особенного не сделает. Родителей Риз вполне уважал, поскольку они произвели его на свет. Но не более того. Дюшка сел в кресло.

– Ищем дальше, – спокойно продолжил Дима, свернув изображение. – Еще близкие люди у Риза были?

Дюшка почесал в затылке и опять вскочил:

– Да у него же сестра – ангел! Это же правда? У него ведь есть сестра-ангел? Или он это придумывал?

Дима не ответил, просто развернул очередной куб. На нем был момент, где Ризи ругался с Дженифер, а у той на глаза наворачивались слезы.

– Дюшка, этот вариант можно даже не обсуждать, – вставил Рон, убирая куб в шарик. – По разным причинам.

– Тогда остаешься ты, Рон, – сказал Дюшка. – Ведь ты его нянчил, я ничего не путаю?

Но Дюшке и самому было ясно, что Рональд Э-Ли-Ли-Доу для благородной цели – кандидатура неподходящая. Ведь Ризи его даже не вспомнил там, на даче Кэшлоу.

Клюшкин глубоко вздохнул и тихо сказал:

– Ну, тогда остаюсь только я. Я его лучший друг. Может быть, Ризи сможет что-то сделать ради друга?

– По-моему, он сможет что-то сделать только ради себя самого, – буркнул Дима и громко добавил: – Ладно. Попробуем. Повторим парочку душераздирающих сцен с новыми режиссерскими находками. Но тебе, Дюшка, придется ему помочь.

– Да о чем речь! – обрадовался Клюшкин. – Конечно, я помогу! А что я должен сделать?

– Мы вернем тебя в тот самый день, в тридцатое декабря. О том, что с тобой произошло дальше, и о нас ты временно забудешь. Временно, не переживай. Всего на несколько часов. Ризи вновь вытащит из тебя датчики и уйдет, а ты останешься в лесу.

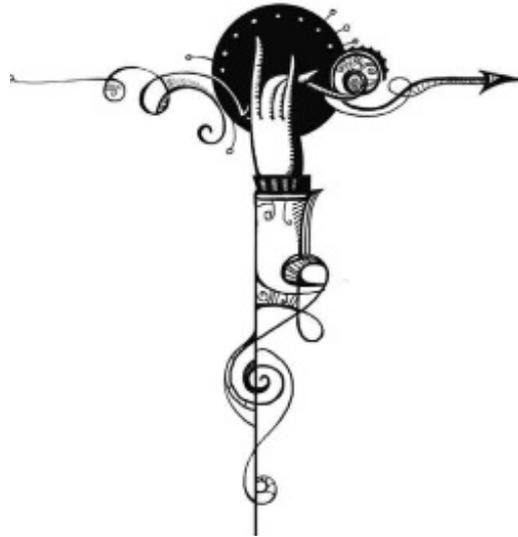
Дима замолчал.

– И все?

– И все. Одна деталь: мы с Роном сделаем тебя на эти несколько часов совсем тряпкой, ладно? Побудешь ради друга настоящей тряпкой несколько часов, а?

Дюшка сначала напрягся, но потом, увидев, что Рон и Дима просто и уверенно улыбаются, сам попробовал рассмеяться:

– Ну, если ради друга... И всего несколько часов... Тогда ладно!

Глава 4 Абсолютно необитаемый

– Ма-а-ма!!! – Мата сначала заорала, а потом уже открыла глаза, схватилась за сердце и очень оперативно хрюкнула.

Заснуть на даче Кэшлоу, а проснуться в океане – это кто хоть заорет как резаный! Тем более что при ближайшем рассмотрении Маша оказалась немного резаной: пострадала лодыжка, то ли от острой ракушки, то ли от камня, – и того и другого вокруг было предостаточно.

Строго говоря, Маша Малинина проснулась в океане только нижней частью тела, волны лизали ее ноги, доходили до колен и немедленно смывались обратно в океан. Она и заорала «мама» от ощущения волн, а потом открыла глаза, увидела океан – и тут уж немедленно хрюкнула, ясное дело!

– Фух! – Маша села, огляделась, поболтала ладонью в воде, лизнула палец – соленая! – опять огляделась и выдохнула: – Ниче себе так!

Солнце вставало, нижний его край еще касался горизонта. А может, это вечер? Нет. Похоже, все-таки раннее утро. Но тепло же... Это тропики? Маша поднялась, вытряхнула из волос песок. На ее оперхрюк никто не отозвался, и это было странно.

Диди. Как работают хрюки? Очень просто. Каждый хрюк отслеживается сразу несколькими спутниками, кружащими над Землей-11. Всего таких спутников больше сотни. Они немедленно обрабатывают информацию, оценивают степень опасности и реагируют по ситуации. Если мутант, пославший сигнал, действительно нуждается в помощи и с его страховкой все в порядке, спутник посылает ответный сигнал, в котором содержится информация о том, через сколько секунд подоспеет помощь. Со страховкой у Маши все было в полном порядке, и она не сомневалась в том, что сейчас ей сообщат, где она находится (точные координаты) и когда за ней приедут (или прилетят).

А о том, что жизни на Земле-11 больше нет, все спутники посажены на космодромы и оперхрюкать не имеет смысла, Маша, конечно, не знала.

Маша отправила в пространство повторный хрюк, подождала пару секунд, надула губки и решила спасти себя сама. А что ей оставалось? Впереди по курсу было бескрайнее море, слева и справа – тоже. Линия берега загибалась довольно круто – возможно, это был мыс. Маша повернулась к воде и солнцу спиной и увидела... розовые тапочки. Домашние такие, мягкие, мохнатые, без задников. Здесь, на берегу, они смотрелись нелепо.

Маша подняла глаза выше и увидела еще более нелепую картину: в паре метров от розовых тапочек спал Рино Слунс. Он сладко посапывал, обнимая подушку. Под одеялом. Но на камнях.

– Ничо себе так... – во второй раз пробормотала Маша и решительно подошла к Рино. – Эй, вставай давай, соня!

– Мм... – не просыпаясь, ответил Рино.

– Вставай, говорю!

Рино недовольно заворочался и перевернулся на другой бок:

– Ну ма-ам! Еще пять минут!

– Какая я тебе мам! – возмутилась Маша. – А ну подъе-ом!

Вопль «подъе-ом!» Маша сопроводила хорошим пинком пониже поясницы. К счастью, Маша была уже в тапочках, а Рино еще под одеялом. Слунс подскочил:

– Что такое?

– Ничего. – Маша картинно развела руками. – Ровным счетом ничего. Просто – доброе утро!

– А-а-а, ясно... – Рино зевнул и внезапно понял, что ему жестко сидеть. – Слушай, а что это за...

Он выудил из-под себя камень и уставился на него с неподдельным изумлением и явным неодобрением, как принцесса на горошину.

– А кровать моя куда делась? – почему-то протягивая камень Маше, спросил Рино. – И вообще, мы где?

– Ты меня спрашиваешь?! – вежливо уточнила Маша, причем выражение ее лица в этот момент больше соответствовало вопросу: «Ты идиот?»

– Ну да... Тебя... А что?

– А то! Что я понятия не имею, где мы и как сюда попали. Я сама проснулась пять минут назад, причем не на берегу, под одеялом, а прямо в океане!!!

– Тут океан есть?! – Рино вскочил, повернул голову и только сейчас заметил море. – Су-у-пер!!! А вода теплая? А чистая? А купаться можно? А ты уже купалась?

Лихо перепрыгнув через одеяло, Рино бросился к воде. Маша заметила, что на ее одно-класснике не ночная пижама и не спальные шорты с майкой, а вполне дневная одежда: джинсы, рубашка, ботинки. На самой Маше, кроме тапочек, был легкий сарафан – когда они вчера укладывались спать, мама Рино предложила ей вместо ночнушки, из того, что нашлось в доме.

Рино лихо сбросил с себя ботинки с носками, закатал штанины и вошел в воду.

– Маш-ка, кла-асс!!! Давай купаться!

Он выскочил на берег и принялся стаскивать с себя джинсы, смешно прыгая то на одной ноге, то на другой. Сорочку стянул через голову, чтоб быстрее. И – бултых в воду!

– Вот суслик! – Маша надула губы и плюхнулась на одеяло. – Купаться ему! А у меня, между прочим, купальника нет! Трусы, допустим, сойдут, они без кружавчиков... А верх?

– Маш-ка-а! Ну чего ты там бормочешь? Давай наперегонки вдоль берега! Тут супер!!! У-ху-у!

Рино подпрыгнул, упал на спину, замолотил руками и ногами, поднимая фонтан брызг.

– У меня купальника нету-у! – проорала в ответ Маша.

Рино перестал болтать конечностями, встал, почесал затылок. С этими девчонками иногда проблемы, да...

– А ты в сарафане давай, потом высохнешь!

– Ну... – Маша на мгновение задумалась. – Да он длинный... В нем плавать неудобно. Вообще-то сарафан был не длинный, чуть выше колена.

– Ну тогда я один! – немедленно решил Рино. – У-ху-ху-у!!!

– Муточерт знает что! – обиделась на судьбу Маша, но... – Эй! А можно, я в твоей сорочке поплаваю?

– А?

– Рубашкой последней поделишься, говорю?

– Забирай, не жалко!

Рино махнул рукой и поплыл от берега.

– Осторожнее! – крикнула ему вслед Маша, подбирая с земли сорочку. – Вдруг там кукулы или другие хищники?

– Я недалеко-о-о...

Маша повернулась спиной к морю и сняла сарафан. Из сорочки получился вполне приличный верх.

Наплававшись вдоволь, они вылезли на берег и упали отдыхать и сохнуть. Солнце уже немного поднялось, день обещал быть жарким.

– Слу-ушай, а мы все-таки где? – спросил Рино.

– Понима-а-ешь, я все-таки не знаю! – передразнила его Маша. – Я же объяснила, я заснула на даче, где мы нашли настоящего Дюшку и твою маму, а проснулась тут на три минуты раньше тебя. Хрюкнула два раза.

– И?

– И ничего, в ответ – тишина!

– Врешь!

Маша пожала плечами:

– Сам попробуй!

– Я попозже попробую, – сказал Рино. – Еще пару раз искупнемся и потом. А вообще-то лучше давай не хрюкать, не рисковать. Мы же сбежали. Машину сожгли. Учителя пополам разрезали.

– Учителя – это не мы! – возразила Маша.

– Это ты попробуй им докажи!

– Кому – «им»?

– Ну, спецам из секретного института, которые нас в школу для особо одаренных заманили.

– Эх... – Маша вздохнула.

– Что «эх»?

– Зря я хрюкала, получается... Но знаешь, я так испугалась, когда проснулась в воде, что ни о чем не подумала даже и сразу хрюкнула!

– Ничего... Хорошо, что ты, видимо спросонья, неправильно хрюкнула, и никто не отозвался. А то бы нас уже загребли.

Они помолчали.

– Слушай, все-таки, а как мы сюда попали? Нас, наверное, усыпили. И перевезли. Но кто? Секретники?

Рино задумался:

– Вряд ли. Они бы нас или сразу кокнули, или обратно в школу потащили. Чего им нас везти через полпланеты?

– Логично... Тогда кто?

– Может, моя мама... – не очень уверенно предположил Рино. – Она, знаешь, вообще-то на многое способна. Она такая... Журналистка, в общем.

– Да, это может быть, – согласилась Маша. – Это объясняет тот факт, что ты спал на подушке под одеялом, а я – в воде!

– Да далось тебе это одеяло! – досадливо отмахнулся Рино. – Забирай себе. Вместе с сорочкой...

– Да, кстати. – Маша поднялась. – Я тебе сейчас верну сорочку, только отойду переоденусь. А потом мы пойдём поищем остальных и выясним подробности.

– Ага, – согласился Рино. – И жрать уже охота.

Маша подняла и отряхнула от песка свой сарафан, изящно подцепила двумя пальчиками тапочки и пошла от берега. Берег был высокий, скалистый. Вверху, метрах в пяти, виднелись кустики и деревья.

– Ты там осторожнее, если откапываться начнут, бегом обратно! – крикнул вслед Рино.

– Сама знаю, не маленькая, – хмыкнула Маша.

Маша взобралась на скалу. Кустики – несколько штук – были закопаны в землю так плотно, что возникало странное ощущение, будто они уже год как не двигались с места. Даже трава вокруг успела вырасти. «Больные они, наверное!» – подумала Маша, на всякий случай обходя их стороной. Деревья, видимо, тоже были больные, потому что земля вокруг них тоже была плотной-плотной и заросшей. В принципе, Маша могла бы уже и тут переодеться, Рино был вне поля зрения. Но для верности Маша сделала еще шагов десять, решив дойти до вон той полянки.

Она дошла до полянки и охнула: это была вовсе не полянка, а опять берег, чуть более пологий, но берег. Со сваленной корягой. И... Маша заподозрила недоброе и бросилась обратно. Надо было проверить. Так. Вот вроде самая высокая точка. Там – Рино, а там, в противоположной стороне – новый берег, с корягой. Теперь так рассуждаем: слева – мыс, это точно. Там они плавали. И если справа не... Маша ломанула вправо. Через несколько секунд она опять была на берегу!

Маша повернула обратно. Ее трясло.

Рино сидел на одеялке и... с аппетитом лопал бутерброд. Двойной такой. С котлеткой между двумя ломтями хлеба.

– А фы фево не пе-фе-де... – Он проглотил и повторил удивленно: – Ты чего не переделась-то?

– Мы... мы... – Глаза у Маши были круглые-круглые. – Та... то...

– Ниче не понял! – признался Рино. – Бутерброд хочешь?

– Не хочу я твой бутерброд! – заорала Маша. – Мы на острове! Необитаемом! Среди океана!!! А тебе только купаться да жрать!!!

Пока она орала, размахивая руками, Рино откусил еще кусок бутерброда и жевал, глядя на Машу снизу вверх по-бычьему наивными глазами.

– Ух! – окончательно обиделась Маша и отвернулась.

Если бы она не была мутанткой, она бы, наверное, сейчас расплакалась. Но Маша была мутанткой и считала, что плакать нет никакого смысла.

– Точно на острове? – уточнил Рино.

– Точно, точно... Ладно, давай свой бутерброд!

– Упс... А я его доел...

Второго бутерброда под подушкой не было. Маша подумала, что теперь, возможно, есть смысл поплакать.

– Значит, так, – сказал Рино, втрескиваясь в джинсы и зашнуровывая ботинки. – Ты все-таки лучше не плачь, а сиди тут. Я пойду по берегу. Я думаю, что это не остров. Если через час не вернусь, можешь начинать плакать.

И Слунс ушел.

Вернулся он через несколько минут. С другой стороны. Маша вскочила. Пока Рино не было, она успела уговорить себя, убедить в том, что ошиблась. Переодеться. Кое-как причесться – пятерней – и приготовиться к лучшему.

– Ну что?

Рино молчал. Вид у него был несколько убитый.

– Ясно, – вздохнула Маша. – К лучшему можно было не готовиться...

– Надо прочесать остров, – сказал Рино. – Может, тут вертолет есть. Или кто из наших найдется, среди кустиков. Или еда...

Следующие два часа они прочесывали остров, хотя это можно было сделать и за десять минут, такой он был маленький. Людей, то есть мутантов, на острове не было. Животных не было. Построек не было. Еды не было. Были: скалистый берег, пологий берег, тридцать одно дерево (из них пять засохших и три молоденьких), примерно столько же кустиков (на некоторых – ягоды, но жутко горькие), одна большая коряга на берегу и две среди деревьев. Собственно, все.

– Давай еще раз искупнемся, – обреченно предложил Рино. – Перед смертью.

– Давай, только недолго, – кивнула Маша. – Только чтоб охладиться. А потом начнем плот строить.

– Что строить?

– Ну, плот, плавсредство.

– Из чего?! Тут ни пластика, ни пенолита, ни...

– Из деревьев!

– Ы?

– Ыгы. Эти деревья – больные, сам видишь, они двигаться не могут. Они как в древности. Я в кино видела, как...

– Точно! – перебил ее Рино. – Да! Я тоже видел! Мы сделаем плот и уплывем, а по дороге будем питаться рыбой и загорать. А потом доберемся до цивилизации и тут ка-ак хрюкнем! И тут уж нам точно никакие спецслужбы и секретники не помеха, потому что телевизионщики набегут, а мы...

– Супер! – заорала Маша. – Телевизионщиков будет – куча! Они нам так: ах-ах, как вы смогли сто дней на плоту, а мы им так: ах-ах, это было приключение что надо, а они нам так...

Ребята наскоро макнулись в воду – солнце уже поднялось довольно высоко, стало по-настоящему жарко, – и бодро пошли к деревьям.

– Это подойдет! – храбро заявил Рино, впрочем, не приближаясь к стволам слишком близко. – И это тоже. И вон то. Думаю, трех штук хватит.

– Я тоже так думаю. – Маша оказалась то ли смелее, то ли безрассуднее, но она подошла к деревьям гораздо ближе. – А чем мы их победим?

– Эмм...

Одеяло, подушка и тапочки для расправы с хищными, хоть и очень больными деревьями явно не подходили.

– Маш, знаешь, мне кажется, они не больные, они это... тупые просто! Совсем тупые. Правда. Может, их и побеждать не нужно, спилил – и готово!

– С чего ты взял?

– Ну... Смотри, у них листья есть. Значит, они живые. Листья вроде здоровые – ну так, навскидку – здоровые, да? Но они на одном месте тупо стоят, значит, просто не соображают, что можно двигаться. Значит, они и бороться с нами не сообразят...

– У-и! Рино, ты гений!

Слунс скромно потупил глаза:

– Да ну... Просто логически рассуждаю... Ладно, тащи пилу, попробуем древнюю профессию рубалеса!

– Лесоруба... Слушай, а у меня нет пилы.

– А как тогда плот строить?

– А я откуда знаю!

– Так это же ты предложила!

– И что?

– Так надо сначала соображать, наверное, а потом предлагать!

– Сам ты дурак!

– Ух!!!

Они чудом не поссорились, то есть поссорились, но не очень. А потом Маша вспомнила, что на берегу есть острые ракушки, одной из них она утром даже порезалась. Они принесли несколько самых больших и острых обломков и, подбадривая друг друга и приготовившись при первой возможности уносить ноги, подошли к первому дереву с ракушками наперевес, как с автоматами. Автоматы же бывают дамские, маленькие. Ну, на планете мутантов уж точно бывают.

Но бежать не пришлось: дерево не сопротивлялось. То ли это было совсем безмозглое дерево, то ли... да муточерт его знает!

– Супер нам повезло, что они безмозглые и бесчувственные, – радовался Рино, долбая ракушкой древесину. – А прикинь, если бы они на нас набросились! А-а-а!

Он изобразил набрасывающееся на свою жертву дерево.

– Я пить хочу, – сказала Маша. – Просто ужас как пить хочу. Ты уверен, что как только мы уплывем, поймем рыбу, и ее можно будет выпить?

– Пф! Конечно! Некоторых тропических рыб можно пить, моя мама об этом даже статью в научный журнал писала, сам читал! – авторитетно подтвердил Рино.

Маша облизнулась.

– Я пока из моря немного попью, – решила она, сдувая со лба прилипшие волосы. – Правда, на уроках по выживанию говорили, что нельзя, но я капельку.

Она бросила очередную обломившуюся ракушку на землю и пошла к берегу. Рино одним прыжком добрался до нее, грубо схватил за плечо:

– Не пушу.

– Не имеешь права меня держать!

– Имею! Ты – первая, тебе нельзя морскую. Колики начнутся через час, а у нас лекарств нету! Крутоверина нету, пусьпусина нету, даже сбиватогена – ни таблетки! А в морской воде, между прочим...

И Рино принялся перечислять, что может содержаться в морской воде в этих широтах и какие химические вещества могли бы помочь. Целую лекцию прочел.

– Откуда ты все это знаешь? – обалдела Маша.

– Читал!

– И запомнил?!

– Ну... я не один раз читал.

– Зачем?

– Ну... думал, вдруг я попаду когда-нибудь на необитаемый остров и... Словом, готовился. На всякий случай.

Маша присвистнула:

– Невероятно.

Рино подобрал с земли ракушку и вернулся к дереву.

– А почему ты тогда про плот не сообразил? – недоверчиво прищурилась Маша.

– Ну, я когда мечтал, про плот не думал. Я хотел подольше на острове пожить, а потом хрюкнуть, когда надоест, и все.

Он продолжил колупать ствол дефективного дерева. Тут пока что хвастаться было нечем, работа продвигалась медленно.

– Слушай, а может, ну его, этот плот! Давай еще раз хрюкнем, вместе! Телевизионщики – это, конечно, хорошо, а спецслужбы – плохо, но... Я конкретно пить хочу.

– А до ночи дотерпишь?

– А что ночью?

– Ночью, наверное, дождь будет.

– Хм... Ты пророк?

Рино не ответил. Маша взяла ракушку и принялась за дело с другой стороны ствола. В конце концов, Маша была мутанткой и вполне могла обойтись день-другой без еды и воды. Она решила потерпеть до ночи.

К вечеру дерево было спилено. Ребята с трудом дотащили его до воды, предварительно обломав ветки. Маша настаивала на том, что одного дерева для маленького плотика им вполне хватит и на рассвете можно будет отправиться в путь. Но Рино возражал и уверял, что плот нужно делать на совесть. Они немного поссорились – в третий раз за день. Потом Маша поинтересовалась, чем они будут связывать бревна. Выяснилось, что нечем, лиан на острове не было. Они собрались было поссориться в четвертый раз, пока Маша толкала ствол в воду, чтобы «оставить этого придурка» и уплыть к телевизионщикам в гордом одиночестве, но тут... Но тут ствол дотолкался, и выяснилось, что он... тонет!

– Быть такого не может! – взвился Рино.

Проверили. Дерево тонуло. И ствол, и ветки, и даже листья – как только слегка намокали.

Потом солнце село.

Потом стало прохладно.

Потом холодновато.

А потом пошел дождь. Ливень.

Сначала они пытались укрываться под одеялом и подушкой, но вскоре все промокло насквозь.

– Какой же ты дурак, какой дурак, как-к-кой дур-р-ра-к-к! – стуча зубами, повторяла Маша. – Как можно было мечтать попасть на необитаемый ост-т-т-ров?!

– Я ж-ж-е не о н-н-настолько н-н-необитаемом м-м-мечтал! – слабо возражал Рино, мечтая теперь только об одном: чтобы поскорей настало утро и выглянуло солнце.

Глава 5 Трибездвух

Глубокую, километра в полтора, горную впадину уже давно поглотила мягкая вкрадчивая темнота ночи.

Сюда, наверх, где привычно располагался Старк, не доносились ни шумы водопадов, ни влажный аромат фиалок, сплошным ковром покрывающих скалы в это время года. Любимый гамак Старка висел на своем привычном месте уже не первое столетие, и никакие ураганы его не портили. На вид это была обычная сетка, старая, но прочная, шириной не более двух метров. А вот какой длины были веревки, на которых это уютное спальное место крепилось к горным вершинам, сказать непросто. Несколько сотен метров с каждой стороны или около того. Сетку обычно покрывал толстый ворсистый плед с орнаментами. Изредка плед исчезал – ветра сдували его вниз, в пропасть. Вот и сегодня любимую укрывалку с рваным краем пришлось сотворять заново.

Диди. По всем законам физики несколько сотен метров веревки должны рухнуть вниз под собственной тяжестью без всякого гамака. Старк это предусмотрел и сделал веревку невесомой...

Ангел-эксперт Старк не принимал никакого участия в том, что делали Дима Чахлык и Рон Э-Ли-Ли-Дюу с Дюшкой. Дюшка был обычным мальчишкой, он жил в обычном одномерном времени, в котором вчера сменялось на сегодня, а сегодня на завтра, в котором были однозначные причины и такие же однозначные следствия этих причин. В Дюшкином мире было важно, что ты делаешь. От каждого твоего действия что-то зависело. В Дюшкином мире некоторые вещи нельзя было отложить на потом, что-то надо было сделать вовремя или не делать вообще.

В мире Старка все что угодно можно было сделать «потом», и любые свои действия можно было исправить, вернувшись в прошлое. Конечно, чужие поступки Старк мог исправлять не так уж часто. Ведь каждый свободный человек вправе совершать собственные ошибки. А большинство людей, гуманоидов и мутантов были свободны.

Диди. Тут есть важный момент. Строго говоря, насчет неоднородного времени ангелы ошибаются. Время все-таки одномерно, причинно-следственные связи никто не отменял, а всякие возвраты в прошлое и прочая беготня в будущее – не более как ангельские иллюзии. На самом деле, отправляясь в прошлое, ангелы попадают в сохраненные временные ловушки. Путешествия в будущее иллюзорны по определению (в отношении будущего ангелы менее наивны и их представления почти соответствуют действительности).

Бывает ли время неоднородно? Да, конечно. Только оно в этом случае перестает быть временем – в нашем, человеческом, понимании этого слова.

Обычные причинно-следственные связи Старка не интересовали. Он знал о них все или почти все. В голове ангела-эксперта Старка была единая структура всего сущего. Сложный гигантский организм с бесконечным количеством деталей и связей, которые Старк продолжал изучать. Но единая картина мира в башке Старка требовала дорисовки.

Старк одновременно исследовал несколько миров, которые не укладывались в его структуру. В основном это были планеты, которые ангелы называли «Земли» и давали им номера. На Земле-6 от странной болезни погибали черепашки. С Земли-28 на Землю-75 неправильно перебрасывалась энергия. На Земле-11 в «Дюшкином времени» уже произошел конец света.

Старк в очередной раз положил на ладонь черепашку, которая должна была погибнуть в ближайшее время. В очередной раз отделил от себя частичку себя и перенес ее под розоватый, тонкий панцирь.

Как только черепашка погибла, частица Старка в очередной раз просто исчезла. Это было ненормально. Так не должно было произойти! Старк был очень опытным ангелом для того, чтобы просто так терять свои части где попало.

Старк вернулся в любимый гамак над пропастью, собрав воедино все непотерянные части. Не хватало всего семи клеточек. Две исчезли с водорослями. Пять – с черепашками. Связи с ними не было. Они исчезли.

Так думал ангел Старк. Точнее, то сложное существо, которое считало себя настоящим Старком, – единственным и неповторимым.

Другое существо, состоящее всего из пяти клеточек, с некоторых пор тоже считало себя настоящим Старком – единственным и неповторимым.

Первая клеточка, попавшая с черепаховой кровью в стеклянную посудину, вначале не поняла, что она – Старк. Она только почувствовала, что ей «морщно и ризно».

Вторая клеточка, угодившая в ту же посудину, сообразила, что «морщно и ризно» – это «кисло и холодно»: в колбу с вытяжкой из крови черепашек налили немного кислоты и сунули в большой холодильник.

Третья, четвертая и пятая клетки оказались вместе, в одной керамической лабораторной миске. Они уже узнали, что они и есть – Старк. Им также откуда-то было известно, что они – только три части из пяти. А еще две их части находятся в плохих условиях в той большой синей штуке в углу комнаты. Существо знало, что его имя – Старк, но пока интуитивно предпочитало называть себя Старк Трибездвух. О том, что оно было ангелом, оно почти не помнило. Вроде бы память сохранилась у Старка Трибездвуха в полном объеме, но напомнила рухнувшее здание. Ни один кирпич не исчез, но что тут была за постройка раньше на месте руин, сказать было невозможно.

Диди. Память существ, способных находиться в тонком и сверхтонком состояниях, не локализована внутри их материальных тел.

Длинные, изящные руки, немного напоминающие паучьи лапки, накрыли миску колпаком. Звуки для Старка исчезли, хотя и до этого он просто ощущал их как колебания среды, в которой находился. Разобраться в хаосе этих колебаний три разумные клетки не могли. Трибездвух помнил, что раньше умел двигаться. Что ему не должно составить никакого труда мгновенно переместиться за пределы колпака. Но, к сожалению, ни одна из его попыток сдвинуться с места не увенчалась успехом.

– Попался, голубчик, – сказал кто-то. – Добро пожаловать в Мебиклейн.

– Мы не причинили ему вреда?

– Нет, полная гарантия. Нет. Забрали всего три клеточки из миллиардов. Он даже не почувствовал небось.

К колпаку над миской приблизились три синих внимательных глаза.

– Этот не почувствовал? Ты что! Наверняка почувствовал. Это же не просто ангел, он – эксперт. Хоть и молоденький.

– Молоденький, это точно. Несколько тысяч лет... Он не сможет двигаться?

– Увы.

Некоторое время обладатели синих глаз работали молча.

– Он называет себя Трибездвухом. Почему три без двух? Правильнее – пять без двух... значит, он не ощущает своих двух клеток, которые попали к водорослям...

– Янанна, зачем нам читать его мысли? Мы просто хотим избавить наш уровень от случайного попадания на него ангелов, которые становятся тут нежизнеспособными. Это и в наших интересах, и в их интересах.

Миловидная инопланетянка по имени Янанна, мутангел и инфилопер, с синими глазами, двойным ртом и тонкими паучьими руками согласно кивнула. И они опять занялись делом.

Старк Трибездвух плавал в миске среди тупых черепаховых клеток и пытался восстановить память. Он начал с таблицы умножения. Дважды два было четыре. Дважды три – шесть. Дважды четыре равнялось неизвестному числу, которое было на единицу больше семи... Что означает странное слово «ангел»?

В гамаке, раскачивающемся над пропастью, лежал другой Старк, такой же единственный и неповторимый. И абсолютно серьезный. Он думал о том, куда могли деваться взорвавшиеся клетки маленьких черепашек, а с ними вместе и его собственные частички. Вот уже несколько минут Старка не покидало странное чувство. Ему казалось, что за ним наблюдают чьи-то глаза пронзительно-синего цвета. Ангел всмотрелся в черноту перед собой.

– Респект, – с уважением сказал Старк черноте.

– Ну вот, а я думал, что ты меня не сможешь засечь! – широко улыбнулся Дима, проявляясь постепенно, как Чеширский кот.

Только кот обычно начинал с улыбки, а Дима Чахлык начал с глаз.

– А синие-то почему? – улыбнулся Старк. – Эх, давно я в прятки не играл.

– С тобой в прятки неинтересно играть, – картинно вздохнул Дима. – Ты же эксперт, профи. От тебя нигде не спрячешься! Хоть в тонком теле, хоть в каком! А синие глаза – просто так. Дюшка сегодня решил нарисовать эпохальную гигантскую картину и разлил ведро синей краски. Ну, вот я зачерпнул из лужицы!

Ангелы рассмеялись.

– Ясно! – сказал Старк. – А спрятаться от меня можно. Вот, например, не далее как сегодня по Дюшкиному времени от меня ухитрились спрятаться несколько моих собственных клеток.

– Как это, Старик? – обалдел Дима.

– Смотри!

Старк прекратил раскачивать гамак. Дима подлетел поближе и завис над пропастью, слегка опираясь на веревку, уходящую от гамака к далекой горной вершине. Старк открыл ладонь и выпустил небольшой матовый шарик. Дима раскрутил шарик и почти сразу же свернул его – информации было совсем немного.

– Ничего себе! – воскликнул Дима. – Прямо не верится! Почему? Как? Как именно?

– У меня пока только рабочие версии, – ответил Старк. – Я думаю вот что...

Перед гамаком немедленно нарисовалась обычная школьная доска, а в руке Старка оказался кусок мела. Через некоторое время доска заполнилась длинными хвостатыми знаками, похожими на математические формулы. Между формул в отдельных слоях нарисовались схемы. Доска была хоть и обычная, но немного многослойная.

Дима с интересом слушал, покусывая ноготь.

– Новая дурная привычка, – объяснил Дима, заметив, что Старк скользнул взглядом по его ногтю. – От Дюшки заразился.

Ангелы опять засмеялись.

Далеко за горами начало светать. Дима Чахлык располовинился. Скользнул одной половинкой на восток, к рассвету. Поймал где-то там вдалеке выпадающего из гнезда птенца. Вернул его в родные пенаты. Сорвал фиалку. Выкупался в росе. Вернулся к Старку. Соединился со своей второй половинкой. Посмотрел еще раз на доску.

– Мне кажется, в этой твоей теории есть ошибки, – сказал Дима.

– Может быть, – согласился Старк.

– Вот смотри. Если постоянная Шланка теперь не постоянная, а переменная, то отсюда получается... Отсюда получается, что любой ангел может в любой момент потерять куски себя. И исчезнуть, как любой обычный мутант или человек!

– Люди и мутанты никогда не исчезают бесследно, – поправил его Старк. – Их энергия просто перераспределяется между другими материальными объектами.

– Но из твоих формул получается не так!

– Главное, что общее количество энергии во всех Вселенных сохраняется...

Дима еще раз посмотрел на формулы.

– Но для ангелов не сохраняется! То есть на деле оно сохраняется – это факт. А по твоим формулам получается, что мы можем исчезать. Аннигилировать! Куку – и у меня нет ногтя, когтя или крылышка! Этого не может быть.

– Но я же частично исчез! Два раза с водорослями. И пять раз с черепашками.

– Этого не может быть потому, что не может быть никогда. Ты не можешь найти свои частички по каким-то другим причинам.

Старк ничего не ответил. Дима еще раз посмотрел на формулы. Многое ему было непонятно.

– Посмотри из сверхтонкого состояния, не майся, – сказал Старк.

Дима Чахлык перешел в сверхтонкое. И мгновенно все соображения и все теории Старка по поводу черепашек и водорослей стали ему абсолютно понятны. Хотя он по-прежнему их не разделял. Но более, чем черепашки, Диму в сверхтонком состоянии удивила таинственная история Лещи Мымбе, и особенно тот факт, что эта история в далеком будущем могла быть связана с Дюшкой Ключкиным.

– Это невероятно! – вынес свой вердикт Дима. – Ведь этого даже нет ни в одном из возможных вариантов развития событий! Я не знаю, как там с этой Лещей – брр, ну и имечко...

Но в отношении Дюшки мы все варианты прокрутили не знаю сколько раз. С Ризенгри все что угодно может произойти, хотя и так ясно, что ангелом ему никогда не быть. А Дюшка... И Лещца... Невероятно!

– Это вероятно, если моя теория верна.

– Если она верна, то ангелы должны пачками исчезать!

– Да.

– Но ведь никто не исчезает!

– Пока не исчезает. Потому что пока постоянная Шланка – это постоянная. А станет она переменной, и тогда...

– С чего она должна стать переменной?!

– Только так можно объяснить, что мои частички исчезли.

Ангелы не заметили, как окончательно рассвело.

– Кстати, у меня есть еще одно доказательство того, что постоянная эта – не совсем константа. Сад Погибшего Ангела.

– Мертвый сад? Зона остановленного времени?

– В том-то и дело. Сад, строго говоря, не мертв.

– Я хотел сказать: замерший.

– Знаю. Но в том-то и дело. Сад может ожить по-настоящему.

Диди. Отличие Сада от остановленного мира. Важная инфа для будущих инфилоперов-строителей! Во всех остановленных, замороженных или заблокированных мирах (сценарии конца света могут отличаться) никакие базовые физические характеристики не нарушаются. Не меняются метрики пространства-времени, а «квадрат расстояния» между двумя бесконечно близкими событиями привычно инвариантен относительно любых ваших действий. В Саду или других локациях глобальных переходов между мирами метрики пространства-времени зависят от стапятидесяти дополнительных факторов, являются «плавающими тензорами» и не изучаются в рамках булевой алгебры.

– Сад может ожить по-настоящему, – повторил Старк. – Там в будущем произошло нечто необычное...

– Уже произошло? – уточнил Дима. – Ты ведь имеешь в виду Дженифер Шортэндлонг, которая покончила с собой, ушла в океан в этом саду.

– Нет, произошло в будущем. То есть произойдет. Но произойдет наверняка. Значит, можно сказать, что уже произошло. После этого все пойдет не так.

– Наверное, ты прав, Старк, – сказал Дима.

Диме Чахлыку опять было ничего не понятно. Но разве можно понять ангела-эксперта? Пока что у Димы были проблемы попроще: Дюшка Ключкин. Его Дима и Рон собирались ненадолго вернуть в прошлое.

Диди. Насчет данного конкретного прошлого Дима и Рон не обольщались. Это «прошлое» было обычным виртуальным воссозданием реальности.

Закончив очередной эксперимент и вернув клетки Трибездвуха в холодильник, Янанна подошла к чинно сидящей в углу просторной лабораторной комнаты Варе Ворониной. Девушка впервые попала в научную лабораторию вообще, а уж в настолько научную! Она второй час сидела верхом на стуле «для студентов» и с высоты двух с половиной метров наблюдала за тем, что творится внизу и в соседней лаборатории. Стул был вращающийся, перемещающийся и поднимающийся, кроме того, он был оборудован полукруглой спинкой

с выдвижным столиком для записей. Столик и спинку Варя за ненадобностью убрала – ей и так было уютно. Увидев Янанну, Варя спустилась на землю и слезла с насеста.

– Ну как тебе?

– Очень круто! – призналась Варя.

А в том, что лично она ни за что бы не хотела работать в подобной крутизне, потому что все это слишком сложно, непонятно и неинтересно, Варя признаваться не стала. После того как все нити оборвались и надежда построить дорогу-сокращалку с уровня Пи до Земли-11 рухнула, Варя и Янанна перестали быть одним существом, Мебби Клейном. Теперь Янанна больше не могла читать мысли «очаровательного клювастого младенчика», и их воспоминания вновь разделились.

На память о том, что они вместе прокладывали сокращалку, у Вари остался тонкий браслетик из кожи. Даже не браслетик, а так – черный шнурок с тремя бусинками. На бусинках были нарисованы загогулины, похожие на буквы. Буквы Варя не рассматривала, но и браслетик не снимала. Он делал три оборота вокруг ее запястья, а хвостики словно уходили в никуда. Иногда Вале казалось, что они могут превратиться в ниточку, в муту, и тогда они опять... может быть... Но здравый смысл брал верх, и браслетик превращался в обычное украшение. Сувенир-подарок, и ничего больше.

Совместная работа по строительству сокращалки не прошла бесследно. Варя чувствовала, что изменилась – не внешне, но внутренне. Ее это немного тревожило.

– Ты теперь не мутант, а мутангел, и это – навсегда, – объяснила ей Янанна. – В некоторых случаях мы вынуждены менять характеристики живых существ, которые попадают на Пи. Иначе они не смогли бы тут жить. Или смогли бы, но... Словом, иначе просто нельзя.

Они вышли из лаборатории. Янанна освободилась от защитного поля-барьера, необходимого для работы с чужеродными объектами (на нашей Земле-12 вместо поля используются громоздкие костюмы биологической защиты), и убрала поле вокруг Вари. С высоты четырнадцатого этажа, на котором хранились клетки Трибездуха, открывался впечатляющий вид на ту часть города, в которой находился Центр биохимических исследований. Но историческая часть Мебиклейна с площадью Хамелеона и прочими достопримечательностями отсюда была не видна.

– С пятьдесят восьмого уже будет видна. Лифт вон там. – Янанна указала подбородком на одну из стен-окон, без единого намека на подъемно-опускающее устройство.

Варя, привыкшая ничему на Пи не удивляться, пошла следом, продолжая глазеть на сквер внизу и соседнюю башню. То ли у нее кружилась голова, то ли сквер вместе с лавочками, газонами и прочей растительностью бодро переползал на стену этой башни, переходя из горизонтального положения в вертикаль... Ой!

– Ма-а-ма!!!

Янанна шагнула сквозь наружную стеклянную стену здания, Варя – механически – за ней и... Они почему-то не упали, а зависли в воздухе, причем Варя – отчаянно вцепившись в подол Янанниной туники – уж за что пришлось!

– Эй, ты что? На Земле-11 ведь есть наружные лифты.

Варя осторожно приоткрыла глаза: сначала левый, потом правый. Если бы у нее был третий глаз, она бы и третий открыла, Варя – девочка смелая. Но третьего глаза (если не считать запасных) у Ворониной никогда не было. Так что она ограничилась двумя. Зато распахнула их пошире и округлила. При этом на всякий случай не отпуская тунику своей старшей подруги – больше тут держаться было решительно не за что.

Диди. Вы сможете изменить свою внешность, став мутангелом. Многие так и делают. Однако и Варя, и Янанна оставили все, данное им природой. У Вари по-прежнему были два глаза, один рот и один роскошный клюв вместо носа, причем глаза могли некото-

рое время существовать отдельно от хозяйки. У Янанны имелись три глаза и два рта, но третий глаз и второй рот обычно были плотно закрыты – казалось, что лоб и подбородок женщины прорезают две морщины. Бровей и ресниц у Янанны не было.

– Э-э-то...

– Лифт, – подтвердила Янанна. – Наружный. Абсолютно невидимый. Для услады взора и полноты ощущений.

Насчет услады взора Варя была не уверена, поскольку не очень разбиралась в старинных выражениях, но вот с полнотой ощущений все было в порядке.

– Полные штаны ощущений, это да... – рассеянно пробормотала она, покрепче перехватывая подол туники.

– Мы можем затемнить на тринадцать и шесть процентов. – Янанна сделала замысловатое движение рукой, и вокруг них призраком проявилась элегантная кабина шизофренического подъемного устройства. – Так тебе лучше, да?

– Фух... Ага... А если процентов на пятьдесят затемнить, будет еще лучше. – Варя рискнула отцепить одну руку от спасительной туники и стереть со лба капельки пота.

Лифт плавно полетел вверх и вбок. Оказывается, он поднимался не строго вертикально, а по некой замысловатой траектории, огибая выступающие этажи, – центральная башня Центра биохимии была несимметричная, сложное такое архитектурное сооружение.

– Тринадцать целых и шесть десятых процентов затемнения в данном случае – это оптимальная величина, – будничным голосом пояснила Янанна. – Уровень альфа.

– Что?

– Уровень предела совершенства.

– А-а-а... – Варя осторожно осматривалась, лифт поднимался достаточно медленно. – А у нас говорят: нет предела совершенству.

– Они мутанты, они ошибаются. Есть, есть предел совершенству. Мы приехали.

Пятьдесят восьмой этаж башни был пуст. Нет, вы не поняли. Он был абсолютно пуст. Пятьдесят девятый этаж и все этажи выше, казалось, висели в воздухе – это если посмотреть сбоку, подлетая на лифте. А если вылезти из лифта, еще хуже: потолок, он же пол пятьдесят девятого, тупо висел над головой, словно дно гигантской летающей тарелки. Варя посмотрела на потолок и внезапно – без всякой связи с происходящим – вспомнила о Дюшке. И немедленно прогнала эту мысль.

Некоторое время они спокойно осматривали окрестности. Мебиклейн был огромен и прекрасен. Даже отсюда весь город не просматривался. Структура его была условно-симметрична и напоминала фрактал, среди которого там-сям выросли то ли гигантские цветы, то ли плоды.

– Это не плоды, это старинные замки и беоны, – объяснила Янанна. – Что такое беоны – сложно объяснить, нужно увидеть. Исторические постройки моей родины. Мебиклейну сотни тысяч лет, но некоторые пирамиды, беоны и стеосы гораздо старше. Стеосу Ха, например, скоро стукнет полмиллиарда.

– Ого! – Варя хотела спросить, что такое стеос, что такое фрактал и кто такой Ха, но вместо этого спросила: – А как же это все сохранилось?

– Мы ничего не сносим. Город только достраивается и растет вширь... И вглубь.

– И ввысь! – попыталась пошутить Варя.

– Ввысь уже не растет, – покачала головой Янанна. – Если построить гистограмму распределения высот построек, она окажется обратной стандартному Гауссовскому распределению, с характерным провалом в центральной части, соответствующим...

На лице Вари нарисовалась такая тоска, что Янанна оборвала лекцию на полуслове и мысленно вздохнула. И продолжила:

– В центре дома невысокие. Дальше – выше. Но выше трехсотых этажей мы не строим. Летать неудобно.

– Ясно...

Они подошли к следующему краю смотровой площадки, с видом на трехсотэтажные здания. Вид был тот еще!

– Представляю, сколько народу в таком домике живет! – уважительно заметила Варя. – У нас прошлым летом супернебоскреб построили. Не у нас, а в столице, в Москве. Так в новостях говорили, что в него поместятся три академгородка, как наш! А в такой... В такой это же просто ух!

Янанна справилась с Интернетом (Инет – он и на Пи Инет. Вопросы есть? Вопросов нет!) и заявила:

– На данный момент в нем постоянно проживает всего сто двадцать один человек.

Варя присвистнула.

– Хочешь там пожить?

– Не... То есть... Не знаю... Дорого же... Ах, да! – Варя вспомнила, что деньги на Пи хотя и есть, никакого решающего значения не имеют. – А можно? А это далеко от центра? Ну, чтобы погулять, на замки посмотреть и вообще.

– У нас все недалеко, сокращалки же... А гулять и ходить на экскурсии лучше с друзьями. Дело в том, что в центре и в беонах иногда совсем безлюдно. Это, конечно, приятно, но ты новичок, можешь запутаться, растеряться. Да и вообще – с друзьями веселее!

– Но у меня нет тут друзей, – возразила Варя. – Я же одна сюда угодила. Все там остались.

Она опять вспомнила о Дюшке. И о маме. И о школе. И вообще...

– Но у тебя появятся новые друзья! – пожалала плечами Янанна. – Извини, так получилось, что твое появление на Пи было несколько необычным, и мы вынуждены были начать с работы, а не с адаптации и знакомств, но... Но теперь, когда инфинити оборваны...

– Может, они еще появятся? Восстановятся?

Янанна отрицательно покачала головой.

– Но вдруг! Ты же сама говорила, Бес, то есть Ризи, – супермутант, каких свет не видывал. Он на все способен! Вот он посидит, подумает и восстановит ниточку. И мы...

Янанна опять покачала головой.

– Но почему нет-то? Откуда такая уверенность?

Янанна молчала.

– Он восстановит! – убежденно продолжила Варя. – Мы построим сокращалку. Доберемся до моей родины, я расскажу Ризи и Дюшке о том, как тут все здорово, и они по этой сокращалке попадут сюда. А то, что они не мутангелы – это же не страшно, да? Их же можно доальфить, да?

– Что, прости?

– Доальфить, ну, довести до совершенства, до уровня альфа или как его там... Можно же?

Янанна сделала движение рукой, и на пустом пятьдесят восьмом этаже появились мягкие диванчики цвета пожухлой листвы, тронутой изморозью.

– Садись.

– ?

– Мне нужно сказать тебе правду. Эту информацию мы получили от Трибездвуха. Как ты уже знаешь, Трибездвух – это несколько клеток эксперта Старка, одного из ангелов высшей категории, который к тому же занимается непосредственно твоей планетой.

Варя почувствовала предстоящее неладное и села.

– На твоей планете с помощью ангелов произошел конец света. Уже произошел.

– Что???

Янанна села на диванчик напротив.

– А...

– Это б вил очень мягкий и аккуратный конец света. Остановка. Условно говоря, все как бы уснули...

– Я не...

– Я тоже не совсем понимаю, но...

– Сволочи! Вот же сволочи! Ангелы – гады! А вы... то есть мы... Мы, мутангелы, можем что-то сделать?

Янанна молчала.

– Но мы же – инфилоперы! – отчаянно закричала Варя. – Мы же отвечаем за все, за все на свете! Мы должны! Мы успеем, они же спят, ты же сказала – они просто спят!!!

Но прямо сейчас ничего сделать было нельзя. Связи с Землей-11 не было.

– А Ризи? Ризенгри Шортэндлонг – он тоже спит? Но он же супермутант, он обязан проснуться!

– По нашим сведениям, Ризи и Дюшка были увезены ангелами с Земли-11 до начала конца света, – сказала Янанна. – Дюшка находится у ангелов, конкретно – у Димы Чахлыка. Я не знаю, кто это такой и где находится его материальное жилище. Где находится Ризи, я тоже не знаю.

– Дюшка станет ангелом?

– Он должен стать ангелом.

– А ангелам нет дороги на Пи?

– Увы.

– Но почему? И почему нам нужна именно сокращалка, чтобы добраться до моей планеты? Почему нельзя просто сделать ракету или там энэло какое-нибудь и просто полететь туда? Или...

Янанна принялась объяснять. И начала вовсе не с того, как сложно устроено пространство, а с того, что ангелы – вовсе не такие уж сволочи, какими представляет их себе Варя. Вот, например, Ризу они решили предоставить еще несколько шансов, хотя, с их точки зрения, он – безнадежный случай.

– А почему безнадежный? – не поняла Варя.

– А твой Дюшка будет ему помогать.

– Да никакой он не мой!!!

Глава 6 Попытка № 2. Во имя друга

История повторялась.

Тридцатого декабря двести пятьдесят пятого года по стандартному мутантскому календарю на Земле-11 в трехстах километрах от Моксвы было спокойно и пока еще солнечно. Риз стоял в лощине напротив Дюшки. Академгородок отсюда виден не был, лишь каменная кладка старой заброшенной фермы на склоне холма напоминала о цивилизации. Этот день в жизни мальчишек протекал впервые. Они ничего не помнили о том, что нечто похожее с ними уже однажды происходило. И родители Риза еще не отдавали Дюшку в психбольницу, и Риз не учился еще в школе для особо одаренных, и даже планета мутантов еще не взрывалась на кусочки и не покрывалась защитными пленками на миллионы лет. Ангелы вернули Ризенгри Шортэндлонга и Андрея Клюшкина в их прошлое (хоть и не совсем настоящее) целыми и невредимыми.

– И еще я однажды целовался с Варей Ворониной, – признался Дюшка. – И держал ее за руку.

Это было до того, как она заболела ангиной. А теперь иди.

Дюшка не выдержал и всхлипнул. Бес не уходил.

– Ты чего? Иди! – повторил Дюшка и поднял глаза на своего двойника.

У того по щекам тоже катились слезы.

– Ты что, всерьез плачешь? – обалдел Дюшка.

Но Ризи не плакал всерьез – он репетировал.

– Нормально у меня получается?

Клюшкин кивнул, даже улыбнулся:

– Нос покраснее сделай... Как ты думаешь, мы еще увидимся?

– А чего об этом думать? – пожал плечами Ризи, разворачивая лыжи. – Как получится, так и будет. Долго я тебя заменять не стану, учти. Но три недели так и быть – обещаю. Ну, давай!

И он легко побежал в горку.

– Все, теперь поехали! – сказал Дима Рону. – Начинаем!

Рональд Э-Ли-Ли-Доу все это время молча приводил в первоначальное состояние капсулы, в которых они только что перенесли мальчиков в мир, существующий нереально. Перед его глазами как живая стояла белокурая красавица Джен, которую вот-вот должен был поглотить океан только что умершего Сада.

Рон закончил свою работу и огляделся. Они втроем – он, Дима и Дюшка – торчали среди безжизненных глыб снега, стремительно темнеющих в ранних зимних сумерках. Было холодно, противно. К тому же ветер, невесть откуда появившийся час назад, постепенно крепчал. Первые, самые нетерпеливые, елки снялись с места и начали сбиваться в кучки – так теплее. Их было не видно отсюда, но по характерному скрипу корней о снег можно было легко догадаться о том, что сейчас происходит в лесу. Дюшке нужно было дожидаться темноты и только после этого вернуться в город. Так вероятность напороться на собственных родителей или каких-нибудь знакомых была куда меньше. Он сел на собственные лыжи и стал ждать. До настоящей темноты Ключкин решил не тянуть – гулять в темноте по мутантскому лесу опасно. Он планировал посидеть еще минут пятнадцать – и в путь. Как раз к темноте тогда можно подъехать к городу. До города было недалеко, рукой подать: подняться по склону, потом метров сто по полю да метров триста через лесок до крайней улицы. Ключкин стал ждать. Ждать оказалось тяжело, наверное, потому, что было очень холодно. «Я должен немного потерпеть, – говорил себе Дюшка. – Разве у меня совсем нет силы воли, чтобы немного потерпеть?»

Многие считают, что сила воли – это когда ты можешь заставить себя делать то, что тебе совершенно не хочется делать. Но это неправильно. Вернее, правильно на первый взгляд, на неглубокий. А если копнуть поглубже, то обнаруживается совсем другая картина.

Если у тебя есть одно желание, которому ничего не препятствует, то ты просто действуешь так, чтобы оно исполнилось. И ни о какой силе воли вовсе не думаешь. Лето, жара, речка, мостик. «Хочу в воду!» Бултых с мостика – кайф!

Но если у тебя есть два разных «хочу» на одну тему, и одно «хочу» тянет тебя в одну сторону, а второе – в прямо противоположную, то тут начинаются сомнения. Лето, жара, речка, вышка в пять метров. «Хочу прыгнуть!», «Не хочу прыгать!». Какое «хочу» перевесит? Перевесит первое – ты делаешь шаг и прыгаешь.

Но и опять не все так просто! Если противоположные «хочу» положить на чашки весов и взвесить, между ними всегда будет разница. Чем разница в весе меньше, тем сложнее принять решение. А еще чаще бывает, так: стоишь на вышке и чаша с «не хочу прыгать» тяжелее. Но спускаешься вниз – и чаша «хочу прыгнуть» опять перевешивает.

Так что же такое сила воли? Это способность опять подняться на вышку, не расплескав своего истинного «хочу». Того «хочу», которое потом все равно перевесит.

Все, что происходит дальше, происходит очень просто. От сделанного вперед правильного шага всегда в итоге удовольствие. А от упущенной возможности – одно расстройство, как себя ни обманывай и ни утешай.

Дима Чахлык и Рональд Э-Ли-Ли-Доу поступили с Дюшкой так: они убрали из его сознания всего одно «хочу».

Убрали «хочу стать мутантом».

И вот что произошло: Ключкин вдруг растерялся. Он огляделся вокруг, не очень понимая, как по собственной глупости мог втрескаться в такую нелепую историю. Зима. Лес. Холод. Дома вместо тебя теперь кто-то другой. А ты сидишь один на снегу и собираешься куда-то бежать, куда тебе все равно не добежать. Надо продумать, что ты будешь делать, но думать не получается, не думается, как на самом нелюбимом уроке. К тому же чертовски холодно.

Дюшка замерзал быстро. Перед расставанием они с Ризенгри предусмотрительно обменялись одеждой, но если его собственный костюм был с подогревом, то костюм его

друга оказался, что называется, на рыбьем меху, ведь Ризи никогда не мерз. По правде сказать, и Дюшка Ключкин по-настоящему мерз впервые в жизни. Он с неприятным удивлением заметил, что пальцы на руках и ногах стали как деревянные, щеки покалывает, а в носу хлюпают. В довершение всего Риз отправился гулять без шапки, а тщетные попытки Ключкина натянуть на уши свитер ни к чему путному не приводили. У него болела голова и кро-воточил разрез на руке, через который Ризи вытащил первый датчик.

Встать, надевать лыжи и куда-то идти не было ни сил, ни смысла. Дюшка понимал, что надо встать. Но вместо того чтобы встать, он горько заплакал. Время шло, Дюшка плакал, в лесу становилось все холоднее.

– Еще двадцать минут, – вздохнул Дима. – Потом елочки подберутся поближе, он потеряет сознание, мы убедимся в том, что все идет по плану, поместим его в капсулу и станем следить только за Ризом.

Дюшка мог попытаться уйти, но так и не попытался. Он тупо сидел на промерзших лыжах, раскачиваясь из стороны в сторону, и ревел от безысходной жалости к своей неудавшейся жизни. А потом он утомился реветь. А чуть позже не заметил, как и раскачиваться перестал.

Рон и Дима тут же материализовались, подошли. Дима вытянул вперед руку, качнул ладонью. Рон сунул руки в карманы, зябко поежился. Настроение у него было ни к черту.

– Побегаем на лыжах? – предложил Дима. – До прихода Ризи у нас еще навалом времени.

Рон отрицательно покачал головой. Ему не хотелось развлекаться. Дженифер не было, но она была во всем вокруг. Ею было густое фиолетовое небо, ею был бледный невесомый снег, ее дыханием был пропитан ветер...

– Это состояние теперь будет сопровождать тебя постоянно, – сказал ему Дима, еще раз проводя ладонью над Дюшкой. – Время не лечит ангелов. Давай просто жить дальше.

Рон ничего не ответил, надевая одну из пар лыж, вытянутых из пустоты Димой Чахлыком. Джен стала иллюзией, ее больше не было. Земля-11 тоже практически стала иллюзией, ее тоже не было. Но где-то на горизонте играли в чехарду елочки. Где-то за горизонтом еще не окончился этот день. Где-то, где не существует горизонтов, внимательно наблюдал за их действиями Старик. Рон вдохнул зимний воздух, заставив себя почувствовать его свежесть. И ангелы побежали по морозной темной лыжне в свое удовольствие.

Просто жить дальше можно по-разному...

– Привет, мам! – крикнул Ризи Дюшкиным голосом, по-хозяйски входя в дом Ключкиных.

Мама выглянула из кухни злая, как никогда:

– Дюшка, опять ты ушел из дома без браслета!

Она выразительно помахала в воздухе наручным компьютером. О том, что перед ней вовсе не ее сын, тетя Таня даже не заподозрила.

– Я его забыл...

– Ничего себе «забыл»! – возмутилась Дюшкина мама. – Да мало ли что с тобой может случиться! Я понимаю, был бы ты крутым мутантом. Мог бы обидчикам отпор дать, улететь, убежать, в крайнем случае. Но выходить из дому без компа, без всякой связи, и при этом быть обыкновенным человеком – этого я вообще понять не могу! И ладно бы ты в магазин куда шел или хоть в школу. Так нет же! В лес! К елкам! Невесту куда!

Мать демонстративно шлепнула браслет на столик в прихожей и скрылась на кухне. Риз взял браслет. «Наверное, Ключке и в самом деле лучше бежать на биореактор, взяв комп... – подумал Риз. – И мне удобнее, поговорить с ним будет можно. А чтобы нас не засекли, мы поменяемся браслетами. Себе возьму этот, а Дюшке отдам свой».

– Мам, я браслетку взял, пойду еще немного пройду! – крикнул Ризи и выскочил из дому.

Ризенгри зашел в свой собственный дом, за своим браслетом-компьютером, а потом направился к окраине городка, к тому месту, куда должен был подъехать Дюшка. Лыжная трасса выходила сначала сюда и только потом шла к институтам, где раздваивалась, а потом и вообще ветвилась, делясь на многие мелкие лыжни. Ключкин непременно должен был выехать именно сюда, другой дороги просто не существовало.

Риз спрятался и стал ждать. Постепенно стемнело, похолодало, поднялся ветер. Дюшки все не было. Это было странно. Риз подумал, что Дюшка хочет дожидаться полной темноты, но уже и так было достаточно темно. Риз прождал довольно долго, а потом не выдержал и пошел по лыжне навстречу Ключкину, надеясь встретить его по дороге. Сначала он проваливался в снег при каждом шаге, как обычный мутант, не умеющий левитировать. Потом ему это надоело, и, убедившись в том, что вокруг нет ни души, он полетел над лыжней. Он старался почти не отрывать от поверхности, чтобы издали казалось, будто он скользит на лыжах.

Дюшка лежал на снегу в ложине и не шевелился. Риз не сразу понял, что его друг не дышит. Он сначала решил – Дюшка спит. И, даже увидев его остекленевшие глаза и приложив руку к замершему сердцу, тоже не сразу осознал, что все кончено. А потом до него дошло.

– Джен!!! Дже-ни!!! Дже-ни-фер!!! Помоги-и-и!!!

Джен Шортэндлонг не отзывалась, не появлялась и помогать не собиралась. Риз ото-рался, сел в снег и задумался. Лицо его было бесстрастно и не выражало буквально ничего.

Нельзя сказать, чтобы четырнадцатилетний супермутант Ризенгри Шортэндлонг никогда не испытывал никаких чувств. Например, сейчас он злился на сестру, досадовал на Дюшку, был растерян и даже немного винил себя в том, что произошло. Вот из этого последнего почти незаметного чувства вины ангелы и считали возможным вытянуть что-нибудь положительное, человеческое.

– Ладно, – сказал Риз, вставая со снега. – Джен, я знаю, что ты меня слышишь. Я все понял. Вы сделали то, что собирались. Дюшка стал ангелом. Я обещал заменять его три недели, и я это сделаю. Но ты, Джен, запомни: я делаю это не для того, чтобы стать таким же, как вы. Вы просто хладнокровные убийцы, вот вы кто! И предатели. Ты, Джен, предательница! Ты бросила меня. Вы все такие. Но я не хочу быть таким.

– Великолепная речь! – скептически заметил Дима. – Теперь посмотрим, насколько ему удастся не стать «такой сволочью, как мы».

– Ты с Дюшкой успел переделать его дневник? – спросил Рон.

– Нет, откуда? – покачал головой Дима. – Мы вместе позже его переделаем. А пока я просто сам заменил несколько файлов. Он очень переживает из-за гибели своей планеты, я постоянно снимаю с него часть напряжения, переключаю на другие задачи. Он научится с этим справляться – со временем. Или когда станет ангелом. А пока...

Ризенгри вновь опустился на снег. Правильное ли решение он принял? Он не знал. Такого поворота событий Ризи не ожидал и был к нему не готов. Во всяком случае, он не думал, что ангелы заберут Ключкина вот так сразу. И еще почему-то он предполагал, что Дюшку заберут целиком, то есть вместе с телом, головой и руками-ногами... Что все это произойдет как-то по-другому. По-человечески, что ли... Риз криво усмехнулся: «по-человечески»! Он, супермутант, захотел, чтобы ангелы поступили по-человечески! Бре-е-е-д! Риз тряхнул головой и решил обо всем этом не думать. Что произошло, то произошло, факты всегда лучше принимать такими, какие они есть.

Факты были просты. Друг умер, и оживить его невозможно. Сестра не отзывается, и помощи ждать не от кого. Но он обещал Дюшке, что будет заменять его три недели, и он будет. Вот, собственно, и все.

Ризи опять встал. С силой защелкнул на руке Дюшкину браслетку. А свою выключил и решительно зашвырнул далеко-далеко, за каменную кладку заброшенной фермы. С Венькой Бесовым было покончено. Навсегда.

Теперь надо было что-то сделать с Дюшкиным телом. Ризи отлично знал, что прятать или закапывать его бессмысленно. При современной мутантской технике все это найти будет раз плюнуть. А если найдут быстро, то как выполнить обещание? Да и вряд ли Дюшке понадобится его тело. Он ведь больше сюда не вернется... «А вернется – я ему половинку своего одолжу!» – подумал Риз. Мысль была бредовая, но всерьез обдумывать возможное Дюшкино возвращение Риз не стал. Мертвые не возвращаются. А Дюшка умер.

Ризенгри присел на корточки рядом с Дюшкой, на ресницах которого уже не таяли снежинки, и приготовился дуть. Он часто испепелял так листики бумаги, а однажды сжег подобным образом старую табуретку.

Дима и Рои висели в воздухе напротив Риза и муляжа, изображающего Дюшкино тело. Рональд торчал тут почти целиком, а Дима Чахлык в этот момент в основном занимался настоящим Дюшкой, который медленно приходил в себя далеко-далеко отсюда.

И тут замяукала браслетка. Оказывается, Дюшка записал голос Тафика и ввел его в браслетку вместо звонка.

– Да, мам! – Ризи постарался придать голосу беспечность.

– Дюшка, ты где?

– Не волнуйся, я с Бесом. – Дюшка иногда так и говорил, слово в слово.

– Хорош «не волнуйся», ночь на дворе! И так с утра гуляете. Давай бегом домой и ныряй в ванну, пока не простыл!

– Ладно, иду.

– Когда ты будешь дома?

Риз посмотрел на припорошенного снегом Дюшку. Сколько ему понадобится времени, чтобы все сделать аккуратно? Потом долететь до края леса и пешком домой...

– Через семнадцать с половиной минут.

– Дюшка! Я тебя серьезно спрашиваю!!! А ты издеваешься!

– Но мам... – Риз не мог понять, что он сказал не так.

– Чтобы через десять минут был дома! – отрезала тетя Таня. – Или я за себя не отвечаю!

И она бросила трубку.

Ризенгри пожал плечами и принялся за дело в ускоренном режиме. Он был дома ровно через десять минут.

Дюшка проснулся как раз в тот момент, когда Ризи собирался открыть двери его дома на исчезнувшей Земле мутантов.

– С возвращением на прекрасные небеса, о будущий ангел! – приветствовал Дюшку Дима.

Клюшкин с изумлением огляделся. Было тепло и хорошо. Ровный золотистый свет, мягкий и спокойный, лился из огромного окна во всю стену. По округлым стенам – ни одного прямого угла – бродили зайчики солнечные, а большой забавный плюшевый заяц с косыми обалдуйскими глазами удивленно наблюдал за ними из кресла, напоминающего сочную разрезанную грушу Заяц был из любимого Дюшкой в детстве мультлика, только сейчас было трудно вспомнить, как его звали.

– Ты в порядке? – для порядка поинтересовался Дима.

Клюшкин был в полном порядке, правда, порядок этот был каким-то непривычным. Дюшка помнил, что с ним произошло. Он знал, что именно произошло, и знал, что оно произошло только что, буквально прямо вот сейчас. Но ощущение у него при этом было такое, что случилось все это не совсем с ним. Вроде как кино посмотрел, только про самого себя.

Дюшка посмотрел на свои руки и пощупал их для верности. Руки были теплые, пальцы спокойно шевелились. Голова не болела ни капельки, нос не хлюпал.

– Прикольно... – изумленно пробормотал Дюшка. – В жизни бы не поверил...

Он чувствовал себя отлично, как никогда. И странно, как никогда.

– Дима, я опять у тебя? – на всякий случай уточнил Дюшка.

– Совершенно так, ваше величество! – с улыбкой склонился Дима. – Тебя не очень утомил процесс замерзания ради друга?

– Что? А... Нет, ни капельки... – соврал Дюшка. – Ерундиссимо с минусом... Как тут красиво! Я раньше не видел у тебя эту комнату.

Дюшка поднялся со своего царского ложа и прошел к непонятной великолепной штуковине, которая стояла посреди комнаты, справа от Димы. Штуковина была размером с Дюшку и была выточена из цельного куска янтаря.

– Ничего удивительного, что ты тут не был, – согласился Дима. – Ведь ты и четверти моего дома не успел осмотреть. У меня еще интереснее закоулки имеются.

– Здорово! – восхищенно сказал Дюшка, прикасаясь ладонью к теплой медовой поверхности. – Я и не думал, что ангелы так живут.

– Но ты вообще в нас не особенно верил, – резонно заметил Дима.

– Это точно, – кивнул Дюшка. – Такая роскошь! Такое и в лучшем сне не приснится.

– Почему бы не жить красиво? Если это не самоцель...

– Что? – не понял Дюшка.

Но ангел не стал объяснять.

Дюшка обошел комнату и опять пощупал свои руки. Может, ему приснилось, что он замерзал? А может, он и сейчас замерзает, а эта восхитительная комната ему снится?

– Дима, а это все на самом деле со мной происходит?

– На самом деле ни на что самое интересное, – подтвердил Дима. – Ты жил на своей планете, которая называлась Земля-11. Твой друг Бес, то есть Риз, поменялся с тобой местами. Ты хотел попасть в реактор и стать мутантом. Но родители Риза уперли тебя в больницу, откуда ты попал на дачу одного противного типа, о котором я даже говорить сейчас не желаю. Потом на эту дачу приехал Ризи со своими друзьями. Тут появились мы, ангелы. И спасли тебя и Риза. Мы сделали это потому, что на Земле-11 произошла катастрофа и никто не выжил. Ты все это помнишь?

– Да. Это да, помню, – уверенно сказал Дюшка. – И в общем, что дальше было, тоже помню. Только странно все. На сон похоже.

– Это потому, что один кусочек твоей жизни повторился дважды. Когда вы стояли в ложине, перед твоим побегом. В первый раз ты сбежал, а во второй...

– А во второй замерз, ага. Это только что было.

Дима кивнул. На столике появился поднос с большими чашками из терракотовой глины с изящной бронзовой вязью. Чашки наполнились чем-то похожим по аромату на чай. Но «чай» оказался густым, как разбавленный кисель. Такой вкус Дюшке никогда раньше не встречался.

– Так я на самом деле только что замерз?

– Да. Только в облегченном варианте, так сказать.

– Как это?

– Так это. С нашей помощью ты замерз в рекордные сроки, быстро и безболезненно. Замерзнуть на самом деле – мерзкая штука, поверь мне, я пробовал. Если очень интересно, как это на самом деле, как-нибудь потом мы с тобой это на пару изобразим. Когда ты станешь ангелом. А пока с тебя и так по полной программе достаточно, уверяю! Вот что я тебе скажу: ты мо-ло-дец! Справился на пять с плюсом! Работа на уровне альфа. Так что давай отдыхай и как это... «кончай париться из-за всякой ерунды», вот! А то «репа расколется».

Дюшка улыбнулся. «Кончай париться из-за всякой ерунды» и «репа расколется» – год назад это были его любимые выражения! Ключкин почесал репу и решил не париться. Если твой личный-персональный ангел говорит, что ты молодец и ставит тебе пятерки с плюсами, то и впрямь: чего париться? Дюшка допил чай и спросил:

– Дим, а что это за янтарная штуковина с ручками тут посреди комнаты торчит?

Дима встал, подошел к странной штуковине. Глаза его загадочно засияли.

– О, это очень классная штуковина! Игрушка с Земли-28. Сейчас покажу, на что она способна. Тебе наверняка понравится. Ты к настоящим чудесам готов?

– Еще как готов! – радостно вскочил с места Дюшка.

Глава 7 Кто хочет стать крысой?

Лещца Мымбе подружилась с Пипой почти по-настоящему. Девчонки могли скакать носиться по окрестностям хоть целые дни напролет. Странно, но когда действие янтарного прибора прекращалось и Ле становилась сама собой, у нее мгновенно пропадало желание так много двигаться. Суперняня считала, что это нормально. Так что Лещца ни капельки не волновалась.

Бьорки, который играл на Земле-75 роль двенадцатилетнего мальчишки, вначале принимал активное участие в нехитрых девчачьих забавах, но вскоре ему это наскучило. Из вежливости и из любви к сестренке он соглашался иногда покрутить веревочку или сходить в «таинственную пещеру», но было件нятно, что его это все мало интересует.

– Мальчишки вообще не любят через веревочки прыгать, – поясняла Пипа. – А пещера... Разве это пещера? Так только, одно название.

Де согласно кивала. Пещерой они называли между собой небольшое углубление в скале, недалеко от большой деревни, в которой жили семьи Мумушей и Мым-бе. Там разве что от дождя можно было спрятаться.

– Может, там, в скалах, еще есть пещеры? – предположила Лещца.

Пипа посмотрела на нее с удивлением.

– А ты умная! – сказала она. – Сообразить такое с восемью уколами... Может, тебе двойную дозу мудрости нечаянно вкатили?

Ле решила, что самое правильное будет – просто смолчать.

– Нет там никаких пещер, – сказала Пипа. – Там вообще ничего интересного нет. У нас тут нигде нет ничего интересного. Потому я в компьютер и играла целые дни, пока тебя не было.

– Неужели совсем ничего интересного нет?

– Раз в год в соседний город цирк приезжает. Мы все туда ездим смотреть. Ну, не все, а у кого больше трех уколов. Еще два раза в год туда же театры приезжают. Один театр веселый, второй – грустный... Иногда от нашей семьи я одна езжу, – гордо прибавила она и загадочно хихикнула.

«Наверное, это театры комедии и драмы! Наверное, у остальных Мумушей уколов мало, и им незачем...» – подумала Ле и сказала:

– А в самом городе что интересного есть?

– Да ничего. Что там может быть интересного? Мамашу нравятся там пончики в одной забегаловке, но мне кажется, наша мама вкуснее делает. Мы один раз все съели по пончику. А так, конечно, только сок берем... А больше ничего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.